В. ДРАГУНСКИЙ,
И. ПИВОВАРОВА и К°

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

ШКОЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Родительское собрание. Школьные рассказы

Виктор Юзефович Драгунский, Леонид Пантелеев, Ирина Михайловна Пивоварова, Дмитрий Александрович Сиротин, Алексей Владимирович Лисаченко, Светлана Николаевна Сорока, Валентина Александровна Дёгтева, Анна Сергеевна Игнатова, Людмила Борисовна Ткаченко, Кристина Ивановна Стрельникова

Аннотация
Родительское собрание. Школьные рассказы
Анна Игнатова
  Родительское собрание
  Ты художник, Коля!
Алексей Лисаченко
  Митя и газета
  Митя и великое зло
Ирина Пивоварова
  Весенний дождь

Плохие сны
Л. Пантелеев
Ау
Виктор Драгунский
Зелёнчатые леопарды
«Где это видано, где это слыхано...»
Кристина Стрельникова
Канделябры и бакенбарды
Чихалка
Любовь к музыке
Валентина Дёгтева
Сила удара
Ни стыда, ни совести
Мумия
Лёха Горохов и муки творчества
Дмитрий Сиротин
Школьный ранец
Очень интересный спектакль
Добрые дела
Людмила Ткаченко
Жизнь в шоколаде по фэн-шую
Чему равно «Паша + Даша»
Светлана Сорока
Морской бой

Аннотация

В сборник вошли самые весёлые рассказы о школе и школьниках писателей-классиков – Виктора Драгунского, Ирины Пивоваровой, Л. Пантелеева, а также популярных современных авторов – Алексея Лисаченко, Дмитрия Сиротина, Валентины Дёгтевой и других. Вместе с героями рассказов ребята побывают в музее и театре, узнают, как непросто бывает сатирикам на сцене, а также разгадают тайну Яло-кво-кыла.Для младшего школьного возраста.

Родительское собрание
Школьные рассказы

© Дёгтева В. А., 2024
© Драгунский В. Ю., насл., 2024
© Игнатова А. С., 2024
© Лисаченко А. В., 2024
© Пивоварова И. М., насл., 2024
© Сиротин Д. А., 2024
© Сорока С. Н., 2024
© Стрельникова К. И., 2024
© Ткаченко Л. Б., 2024
© Ветрова М. С., ил., 2024
© Салтыков М. М., ил., 2024
© Смирнова О. В., ил., 2024
© Шевченко А. А., ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Анна Игнатова

Родительское собрание

— Здравствуйте, уважаемые родители пятого «В» класса… учеников, то есть родители, дорогие… здравствуйте!

Молоденькая учительница в синем строгом костюме поправила причёску, улыбнулась и замолчала. В классе было тихо. «Всегда бы так», — с тоской подумала учительница.

За партами сидели мамы и папы. Они смотрели молча и настороженно.

— Давайте знакомиться! — с воодушевлением сказала учительница, шагнула к доске и взяла указку. — Меня зовут Татьяна Борисовна. Повторите… — машинально попросила она, запнулась, положила указку на место, подошла к столу и взяла классный журнал.

— Класс хороший, — прижала к себе журнал Татьяна Борисовна.

Родители недоверчиво молчали.

— Очень хороший класс, честное слово! Такие весёлые, активные, добрые ребята… Есть очень интересные экземпляры… ой, то есть… индивидуумы. Ну, дети… На уроках сидят тихо, учатся… Почти никаких замечаний.

На слове «почти» молчание стало совсем напряжённым.

— А кто мама Савелия Петрова? — бодро спросила Татьяна Борисовна.

— Я здесь, — поднял руку хмурый мужчина в серой куртке и чёрной кепке. — Чё он там натворил?

— Савелий — замечательный мальчик, чудесный, любознательный… — пролепетала учительница. — Но он всё время говорит «чё», мешает вести урок… Не дослышит и кричит: «Чё?»…

— Чё? — не понял мужчина в серой куртке. — «Чё» говорит? Ну, я ему почёкаю, будет знать! Я с ним разберусь. Чё за моду взял, «чё» говорить.

Татьяна Борисовна торопливо кивнула и повернулась к женщине в красной кофте, которая жевала булочку.

— Простите, вы мама Валентины Петушковой?

Женщина кивнула.

— Вы знаете, Валечка очень умная девочка! — обрадовалась учительница.

Женщина опять кивнула.

— Да. Очень начитанная, много знает. Но, понимаете, она не может отвечать, потому что у неё рот всё время занят. Она всё время что-то ест. Я понимаю, конечно, растущий организм, но я не

могу ей всё время задавать вопросы, на которые можно только кивать… Школьная программа такая сложная… Вы меня понимаете?

Женщина в красной кофте кивнула, сглотнула и закашлялась.

— Извините, — похлопала её по спине Татьяна Борисовна.

— Не в то горло пошло, — объяснила мама Валентины Петушковой и достала бутылку с квасом. — Сейчас запью и всё запишу, чтобы не забыть.

— Очень хорошо, — растерянно проговорила учительница. — А вот Маша Федина — это чей… чья… ребёнок?

— Моё! — охотно отозвался папа Маши и довольно засмеялся.

— Вот Машенька, она очень весёлая девочка, — закивала Татьяна Борисовна. — Она такая смешливая… Ей весело буквально всё время. Я говорю: «Запишите число, сегодня первое октября», а она хохочет… И так каждый день.

Папа Маши Фединой хлопнул ладонью по парте и захохотал. Все вздрогнули.

— А ещё есть одна проблема… — начала Татья-

на Борисовна.

С грохотом упал на пол чей-то дипломат.

— Спасибо, — кивнула Татьяна Борисовна. — Да, вы правильно меня поняли, они всё роняют с парт.

Один папа слишком сильно откинулся на стуле и тоже рухнул.

— И сами иногда падают, качаясь на стульях, совершенно верно. А ещё им постоянно звонят на мобильные родители… вы, то есть.

Раздался телефонный звонок. Все переглянулись, высматривая нарушителя.

Татьяна Борисовна охнула и полезла в сумочку.

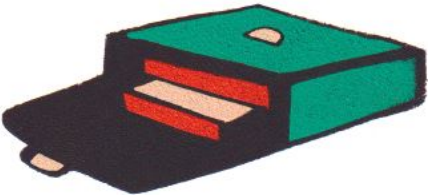
— Да, мамочка, — зашептала она в трубку. — Нет, ничего не случилось. Мама, у меня собрание. Всё, пока.

Татьяна Борисовна положила мобильный на тряпку для доски и повернулась к классу.

— А вообще, очень-очень хороший класс, — покраснела она.

— Вы тоже ничего! — сказал папа, упавший со стула.

И все засмеялись: и родители, и Татьяна Борисовна. А громче всех захохотал папа Маши Фединой.



Ты художник, Коля!

Я был несчастным мальчиком. Я совершенно не умел рисовать. Даже самые простые вещи. Весь класс рисовал картину под названием «Утка в камышах», у меня же получалась картина «Поджог товарного вагона». У всех ребят были рисунки на тему «Прогулка по зоопарку», у меня — «Натюрморт с подъёмным краном». Обидно!

Главное, я отлично знал, что именно хочу нарисовать. Да что я, в зоопарке, что ли, не был? Я прекрасно помнил слона: как он смешно крутит хоботом и обмахивается ушами, а лоб у него весь в красном песке, потому что он ныряет в свой бассейн до самого дна… Я во всех подробностях представлял себе гамадрила. А жирафов никто лучше меня не знал, потому что никто дольше меня не стоял перед вольером с жирафами… Но когда я начинал рисовать, то получался не жираф, а какой-то столб с капитанским мостиком…

Даже моя младшая сестра Светка, которая ещё не ходила в школу, и то рисовала лучше меня! И ещё нарочно меня дразнила:

— Коль, а Коль, нарисуй мне медвежонка!

— Какого медвежонка?

— Такого мохнатого, который малину в лесу ест.

— Сама рисуй, мне некогда, — пытался отвязаться я.

А она как начинала канючить:

— Коля, ты так хорошо можешь его представить, и как он в малине сидит, и как ветку лапой держит, и как вокруг птички поют, а под листиком сыроежка растёт… Ну Ко-о-о-оль!

А начну рисовать — она смеётся!

— А что это, — говорит, — у тебя медвежонок с рогами?

— Где ты видишь рога?? — кричу я, а сам чуть не плачу! Действительно, хотел ветки малинника нарисовать у медведя за спиной, а получились рога…

В общем, не художник я. Был. До поры до времени. А именно — до того дня, когда мама дала мне одну кни-гу…

Это не был учебник по рисованию. Это была история, написанная одним французским лётчиком. Как он упал на своём самолёте в пустыню. Но ему повезло, он не разбился, а встретил мальчика — принца… Если честно, я не совсем всё

понял тогда в этой книге. Но один момент меня прямо-таки заворожил! «Вот ящик, а в нём сидит такой барашек, какого тебе хочется!» Волшебные, спасительные слова!

— Светка! — завопил я.

Светка примчалась как на пожар.

— Светка, что тебе нарисовать?

— Нарисовать?..

Если бы я предложил ей слетать на Луну, она бы меньше удивилась.

— Ну… нарисуй бурундучка…

Я схватил лист бумаги, фломастер и быстро начертил что-то вроде кирпича.

— Вот тебе ящик, там сидит такой бурундучок, какой тебе захочется!

Светка осторожно потрогала нарисованный кирпич.

— А какой мне захочется?..

— Такой пушистый, в полосочку, с маленькой усатой мордочкой!

Светка аж взвизгнула от восторга и стала ласково рассматривать мой рисунок.

— Он будет держать в лапках еловую шишку, ладно?

— Ладно, — великодушно разрешил я. — Хоть кедровую.

— Коля… А ты можешь нарисовать лошадку?

— Пожалуйста! — я взял другой лист и нарисовал кирпич побольше. — Вот тебе сарай, а там стоит такая лошадка, какая тебе захочется!

— С серебряной уздечкой?

— И с перьями на голове, как в цирке! Подковы медные, цокают звонко! Сама белоснежная, а грива и хвост — огненно-рыжие.

— Коля, нарисуй красивое платье!

— Вот тебе шкаф, там столько красивых платьев, сколько тебе захочется! Бархатные, шёлковые, с лентами, кружевами…

— Коля, принцессу!

— Вот тебе дверь, за ней такая принцесса, какая тебе захочется!..

— Вампирчика, Коля!

— Вот тебе гроб, в нем лежит такой вампирчик, какой тебе захочется!..

Моему счастью не было предела! Я рисовал всё, что мог только вообразить! Кораблик? На здоровье! Волнистая линия, на ней большой треугольник — вот вам скала, за ней такой кораблик, какой вам захочется! С парусами, пушками, бравыми матросами и семафорными флажками… Осьминога, страуса, жирафа, фламинго, автомобиль, праздничный торт — абсолютно всё я мог

нарисовать!

Светка смотрела на меня сияющими глазами.

— Какой ты художник, Коля…

Она бережно собрала все рисунки с кирпичами, прямоугольниками и квадратами.

— Спасибо! А знаешь, бурундучок у тебя лучше всех получился! С кедровой шишкой…

Алексей Лисаченко

Митя и газета

Надумали как-то завуч по воспитательной работе Валентина Борисовна и биолог Антон Семёнович школьную газету издавать — небольшую, на страничку. «Школьная правда» называется.

По классам клич бросили: кто хочет участвовать. Статьи для газеты писать, новости собирать, фотографии делать. Первыми, само собой, Митя Печёнкин с Женькой Петровым вызвались. Только их сразу старшеклассники оттёрли. Маленькие ещё, говорят, газеты издавать. Так и не взяли.

— Ну и ладно, — сказал Митя, — ну и подумаешь. Вот захотим — свою газету издавать будем, правда, Женька?

А почему бы и нет? Компьютер в доме имеется, принтер — тоже.

Приходит Валентина Борисовна утром в школу и радуется: у стойки с газетой толпа стоит, листочки нарасхват идут. Вот какая интересная «Школьная правда» получилась! Кое-как протолкалась газетку взять.

Взяла, глядь: всё так, да что-то не так. Название другое — «Школьная врака». И заголовки другие.

«Ужас подкрался незаметно!
ПРИЗРАК в компьютерном классе:
миф или реальность?»

«Кого прячет Антон Семёнович
СРЕДИ КАКТУСОВ?»

«Страшная тайна раскрыта:
что НА САМОМ ДЕЛЕ таится
в кабинете директора?»

«Физрук сделал с футбольным
мячом ТАКОЕ, что все ахнули!»

«Опасен ли СПРУТ в школьном туалете?»
и «Вопрос о переименовании Галактики
в честь ДМИТРИЯ ПЕЧЁНКИНА
решён окончательно».

Тут звонок прозвенел, и все по классам разбежались. Только Валентина Борисовна в коридоре осталась: в руке газетка, в глазах изумление. Там её директор Иван Анатольевич нашёл и повёл к себе в кабинет — то ли смотреть, что же там ТАИТСЯ, то ли валерьянкой отпаивать. Антона Семёновича тоже позвали.

А «Школьная правда» как на стойке лежала, так и осталась стопочкой, нетронутая.

Вечером в компьютерном классе долго горел свет и кто-то хихикал. Наверное, ПРИЗРАК.

Утром смотрят Митя с Женькой — на стойке в коридоре новый выпуск «Школьной враки» лежит. То есть это «Правда» лежит, а «Врака» по рукам расходится, аж шелест стоит.

— Вот дела, — говорит Женька. — Ты когда успел? И почему без меня?

А Митя ему:

— Ничего я не успел. Это тебе, наверное, тоже какую-нибудь Галактику захотелось? Не бывает так, чтобы газета сама собой издалась!

Переглянулись они и одну газетку на двоих с боем взяли. А там большими буквами написано:

«СЕНСАЦИЯ!
ВСЯ ВРАКА – ЧИСТАЯ ПРАВДА!»

И заголовки под стать:

«Опасные секреты:
чем РИСКУЕТ РЕДАКЦИЯ?»

«КТО РАСКРЫЛ МОЮ ТАЙНУ?
Зачем ВАМПИР-ОБОРОТЕНЬ

вышел из кабинета директора
и кого он ищет в начальных классах?»

«ТУАЛЕТНЫЙ СПРУТ поклялся
пообедать главным редактором».

«СНАЧАЛА Я СЪЕМ ЕГО КОМПЬЮТЕР:
интервью с ПРИЗРАКОМ
компьютерного класса».

«СО ШТАНГОЙ ТОЖЕ МОГУ! —
рецепты физрука».

«Зелёный пришелец перестал
ПРИТВОРЯТЬСЯ КАКТУСОМ:
за и против переименования
Галактики».

Прочитали Митя с Женькой все статьи и решили с издательским делом заканчивать, пока ВАМПИР-ОБОРОТЕНЬ ни о чём не догадался. А то мало ли на какую ещё страшную тайну случайно наткнёшься — сиди потом остаток жизни в погребе, чтобы СПРУТУ не попасться. Только недолго продержались: на следующей перемене Антон Семёнович пришёл и обоих в «Школьную правду» позвал — колонку юмора писать.

Митя и великое зло

Рыхлил как-то Митя грядку у бабушки на огороде. Самую дальнюю, самую нелюбимую. Все грядки как грядки — только эта одна неудачная. Морковь на ней тощая вырастает, кривобокая. Горох на корню сохнет. Кусты вовсе не приживаются. Почему — непонятно. И рыхлить тяжело: камни да черепки.

Работает Митя, потеет. Вдруг под тяпкой как хрустнет! Ну-ка, чего там? Может быть, наконечник стрелы? Или монета старинная? Вдруг

повезёт! А и не повезёт — всё равно нагибаться: камень вынуть и выкинуть.

Нет, не камень — стекляшка. Бутылочка, тяпкой расколотая. Лежит себе в ямке. А из ямки что-то карабкается. Маленькое и чёрненькое.

— Приветствую тебя, человек! — говорит. — Тысячу лет просидело я в этой бутылке. Наконец-то свобода!

Митя взял тяпку наизготовку:

— Ты кто?

— Я — Великое Зло. Но ты можешь звать меня запросто — Повелитель.

— Нет, — решил Митя, — ты будешь Черныш. У Сашки Боцмана кот на тебя похож. Ты Боцмана знаешь, Черныш?

Великое Зло секунду подумало и оскорбляться не стало. А то вдруг наступит! Или тяпкой как даст. Черныш так Черныш.

— Чтобы захватить мир, — сказало оно, — мне нужны слуги. Эти, как их… приверженцы. Без них я беспомощно, как котёнок. Ты будешь первым. Потом…

— Мне котёнка родители не разрешают. И щенка тоже, — перебил Митя. — Хочешь в город, со мной? Слушай, а может быть, ты голодный?

— Голодное, — поправило Великое Зло. — Да,

очень сильно голодное! Срочно добудь мне крови, только прошу тебя, не оленьей — от оленьей у меня несварение.

— Пошли, — сказал Митя и отложил тяпку.

— Я раньше такого не пробовало, — призналось Великое Зло и принюхалось к блюдечку с молоком. — А нет чёрного?

Митя фыркнул:

— Скажи спасибо, что не отвар шиповника! Меня бабушка им знаешь как пичкает. По три раза в день. Для иммунитета.

— Спасибо, что не отвар шиповника, — послушно сказало Великое Зло и стало лакать.

Вскоре блюдечко опустело.

— Хочу спать, — зевнуло Великое Зло. — Но ведь это неправильно, этого быть не должно…

— Поспи, — посоветовал Митя. — У тебя пузечко по полу волочится и лапки уже разъезжаются.

— Зло никогда не спит, — помотало головой Великое Зло.

Единственный красный глаз его неумолимо слипался.

— Только не храпи, как бабушка, — сказал Митя. И достал с полки корзинку, чтобы сделать постель.

— Где тут у вас города? — спросило Великое Зло, пробудившись. — Чтобы стать большим и сильным, я должно убивать и разрушать города.

Но Митя не согласился.

— Не надо. Где мы тогда будем жить?

Великое Зло поскребло лапкой лоб и придумало:

— Можно убивать врагов и жечь их города. Где у вас тут война?

— У нас нет войны, — объяснил Митя. — А чтобы стать большим и сильным, надо пить молоко и есть свежие фрукты. Так бабушка говорит. Хочешь яблоко?

Великое Зло сгрызло яблоко с червяком и внимательно осмотрело себя от носика и до хвоста. Потом от хвоста и до носика. Роста пока не прибавилось.

Но Митя сказал:

— Не расстраивайся, Черныш. Я тоже не сразу расту. Только во сне.

— Раньше я всегда убивало и разрушало города, — упрямо повторило Великое Зло. — Ты — мой единственный слуга и должен помочь мне. Я приказываю!

— Приказывал тут один такой, — обиделся Митя.

— В смысле: ну пожалуйста! — исправилось Великое Зло. — Извини.

— Ладно, — махнул рукой Митя, — прощаю. Я придумал: если хочешь, можешь поохотиться на мышей в подполе. Они бабушкины запасы съедают.

— У мышей есть города? — оживилось Великое Зло.

— Вроде нет, — сказал Митя, — вряд ли.

— Тогда не годится.

— Как насчёт муравьёв? На огороде жёлтые завелись, морковь портят. У них города под землёй — кипяток не берёт. Бабушка будет тебе благодарна.

— Муравьи — мелкота, — фыркнуло Великое Зло. — Мы, великие, на ерунду не разменяемся. Вот, помню, как-то раз мои слуги…

Тут вернулась бабушка Вера, и Великому Злу пришлось спрятаться под кроватью.

А Митя сказал:

— Есть идея!

Целых три дня Митя вёл себя просто примерно. Не делал рогаток. Не дразнил соседского пса. Ничего не взрывал. Не купался в пожарном пруду. Ходил, глядя под ноги: щепочки собирал, мусор всякий. И в кусты, что у леса, таскал. Даже бабуш-

ка заволновалась: здоров ли? Пришлось Мите кушать особенно хорошо, чтоб её успокоить.

А на прогалине, за кустами, рос маленький город. Стены из палочек — Мите по щиколотку. Башни из веточек. Крыши из листьев. Вечером третьего дня он был готов.

Митя сказал:

— Славный городок у нас вышел. Ну что, будем рушить?

— Красивый, — согласилось Великое Зло. — Не надо! Пусть лучше стоит.

— Но ведь ты хочешь вырасти? За-втра всё равно уезжать — зря, что ли, строили?

Великое Зло окинуло взглядом постройки. Берёзовый тын и сосновые башенки. Ров с настоящей водой — выложен плёнкой от старой теплицы. Ворота с подъёмным мостом — из конфетной коробки. Княжеский терем, крытый фольгою от шоколадки.

— Не хочу, — повторило оно. — Это больно, когда рушат твой город. Когда я буду править миром, обязательно запрещу разрушать города. И буду есть яблоки каждый день. Это вкусно!

Тайна !!!
Яло-кво-кыл + Синицына =
Любовь!!!
Никому ни слова!

Ирина Пивоварова

Весенний дождь

Не хотелось мне вчера учить уроки. На улице было такое солнце! Такое тёплое жёлтенькое солнышко! Такие ветки качались за окном!.. Мне хотелось вытянуть руку и дотронуться до каждого клейкого зелёного листика. Ох, как будут пахнуть руки! И пальцы слипнутся вместе — не отдерёшь друг от друга… Нет, не хотелось мне учить уроки.

Я вышла на улицу. Небо надо мной было быстрое. Куда-то спешили по нему облака, и ужасно громко чирикали на деревьях воробьи, и на лавочке грелась большая пушистая кошка, и было так хорошо, что весна!

Я гуляла во дворе до вечера, а вечером мама с папой ушли в театр, и я, так и не сделав уроков, легла спать.

Утро было тёмное, такое тёмное, что вставать мне совсем не хотелось. Вот так всегда. Если солнышко, я сразу вскакиваю. Я одеваюсь быстро-быстро. И кофе бывает вкусный, и мама не ворчит, и папа шутит. А когда утро такое, как сегодня, я одеваюсь еле-еле, мама меня подгоняет и злится. А когда я завтракаю, папа делает мне замечания, что я криво сижу за столом.

По дороге в школу я вспомнила, что не сделала ни одного урока, и от этого мне стало ещё хуже. Не глядя на Люську, я села за парту и вынула учебники.

Вошла Вера Евстигнеевна. Урок начался. Сейчас меня вызовут.

— Синицына, к доске!

Я вздрогнула. Чего мне идти к доске?

— Я не выучила, — сказала я.

Вера Евстигнеевна удивилась и поставила мне двойку.

Ну почему мне так плохо живётся на свете? Лучше я возьму и умру. Тогда Вера Евстигнеевна пожалеет, что поставила мне двойку. А мама с папой будут плакать и всем говорить: «Ах, зачем мы сами ушли в театр, а её оставили совсем одну!»

Вдруг меня в спину толкнули. Я обернулась. Мне в руки сунули записку. Я развернула узкую длинную бумажную ленточку и прочла:

Люся!
Не отчаивайся!!!
Двойка – это пустяки!!!
Двойку ты исправишь!
Я тебе помогу!
Давай с тобой дружить!

Только это тайна!
Никому ни слова!!!

Яло-Кво-Кыл.

В меня сразу как будто что-то тёплое налили. Я так обрадовалась, что даже засмеялась. Люська посмотрела на меня, потом на записку и гордо отвернулась.

Неужели это мне кто-то написал? А может, эта записка не мне? Может, она Люське? Но на обратной стороне стояло: ЛЮСЕ СИНИЦЫНОЙ.

Какая замечательная записка! Я в жизни таких замечательных записок не получала! Ну конечно, двойка — это пустяки! О чём разговор! Двойку я запросто исправлю!

Я ещё раз двадцать перечла:

«Давай с тобой дружить...»

Ну конечно! Конечно, давай дружить! Давай с тобой дружить!!! Пожалуйста! Очень рада! Я ужасно люблю, когда со мной хотят дружить!

Но кто же это пишет? Какой-то ЯЛО-КВО-КЫЛ. Непонятное слово. Интересно, что оно обозначает? И почему этот ЯЛО-КВО-КЫЛ хочет со мной дружить?.. Может быть, я всё-таки красивая?

Я посмотрелась в парту. Ничего красивого не было.

Наверное, он захотел со мной дружить, потому что я хорошая. А что, я плохая, что ли? Конечно, хорошая! Ведь с плохим человеком никто дружить не захочет!

На радостях я толкнула локтем Люську.

— Люсь, а со мной один человек хочет дружить!

— Кто? — сразу спросила Люська.

— Я не знаю. Тут как-то непонятно написано.

— Покажи, я разберу.

— Честное слово, никому не скажешь?

— Честное слово!

Люська прочла записку и скривила губы:

— Какой-то дурак написал! Не мог своё настоящее имя сказать.

— А может, он стесняется?

Я оглядела весь класс. Кто же мог написать за-

писку? Ну кто?.. Хорошо бы, Коля Лыков! Он у нас в классе самый умный. Все хотят с ним дружить. Но ведь у меня столько троек! Нет, вряд ли он.

А может, это Юрка Селиверстов написал?.. Да нет, мы с ним и так дружим. Стал бы он ни с того ни с сего мне записку посылать!

На перемене я вышла в коридор. Я встала у окна и стала ждать. Хорошо бы этот ЯЛО-КВО-КЫЛ прямо сейчас же со мной подружился!

Из класса вышел Павлик Иванов и сразу направился ко мне.

Так, значит, это Павлик написал? Только этого ещё не хватало!

Павлик подбежал ко мне и сказал:

— Синицына, дай десять копеек.

Я дала ему десять копеек, чтобы он поскорее отвязался. Павлик тут же побежал в буфет, а я осталась у окна. Но больше никто не подходил.

Вдруг мимо меня стал прогуливаться Бураков. Мне показалось, что он как-то странно на меня взглядывает. Он остановился рядом и стал смотреть в окно. Так, значит, записку написал Бураков?! Тогда уж лучше я сразу уйду. Терпеть не могу этого Буракова!

— Погода ужасная, — сказал Бураков.

— Жуткая погода, — сказала я.

Тут Бураков вынул из кармана яблоко и с хрустом откусил половину.

— Бураков, дай откусить, — не выдержала я.

— А оно горькое, — сказал Бураков и пошёл по коридору.

Нет, записку не он написал. И слава богу! Второго такого жадины на всём свете не найдёшь!

Я презрительно посмотрела ему вслед и пошла в класс.

Я вошла и обомлела. На доске огромными буквами было написано:

ТАЙНА!!! ЯЛО-КВО-КЫЛ + СИНИЦЫНА = ЛЮБОВЬ!!! НИКОМУ НИ СЛОВА!

В углу шушукалась с девчонками Люська. Когда я вошла, они все уставились на меня и стали хихикать.

Я схватила тряпку и бросилась вытирать доску.

Тут ко мне подскочил Павлик Иванов и зашептал в самое ухо:

— Это я тебе написал записку.

— Врёшь, не ты!

Тогда Павлик захохотал как дурак и заорал на весь класс:

— Ой, умора! Да чего с тобой дружить?! Вся в веснушках, как каракатица! Синица дурацкая!

И тут, не успела я оглянуться, как к нему подскочил Юрка Селиверстов и ударил этого болвана мокрой тряпкой прямо по башке. Павлик взвыл:

— Ах, так! Всем скажу! Всем, всем, всем про неё скажу, как она записки получает! И про тебя всем скажу! Это ты ей записку послал! — И он выбежал из класса с дурацким криком: — Яло-кво-кыл!

Уроки кончились. Никто ко мне так и не подошёл. Все быстро собрали учебники, и класс опустел. Одни мы с Колей Лыковым остались. Коля всё никак не мог завязать шнурок на ботинке.

Скрипнула дверь. Юрка Селиверстов всунул голову в класс, посмотрел на меня, потом на Колю и, ничего не сказав, ушёл.

А вдруг? Вдруг это всё-таки Коля написал? Неужели Коля? Какое счастье, если Коля! У меня сразу пересохло в горле.

— Коль, скажи, пожалуйста, — еле выдавила я из себя, — это не ты, случайно…

Я не договорила, потому что вдруг увидела, как Колины уши и шея заливаются краской.

— Эх, ты! — сказал Коля, не глядя на меня. — Я думал, ты… А ты…

— Коля! — закричала я. — Так ведь я…

— Болтушка ты, вот кто, — сказал Коля. — У тебя язык как помело. И больше я с тобой дружить не хочу. Ещё чего не хватало!

Коля наконец справился со шнурком, встал и вышел из класса. А я села на своё место.

Никуда я не пойду. За окном идёт такой ужасный дождь. И судьба моя такая плохая, такая плохая, что хуже не бывает! Так и буду сидеть здесь до ночи. И ночью буду сидеть. Одна в тёмном классе, одна во всей тёмной школе. Так мне и надо!

Вошла тётя Нюра с ведром.

— Иди, милая, домой, — сказала тётя Нюра. — Дома мамка заждалась.

— Никто меня дома не заждался, тётя Нюра, — сказала я и поплелась из класса.

Плохая моя судьба! Люська мне больше не подруга. Вера Евстигнеевна поставила мне двойку. Коля Лыков... Про Колю Лыкова мне и вспоминать не хотелось.

Я медленно надела в раздевалке пальто и, еле волоча ноги, вышла на улицу.

На улице шёл замечательный, лучший в мире весенний дождь!

По улице, задрав воротники, бежали весёлые мокрые прохожие!

А на крыльце, прямо под дождём, стоял Коля Лыков.

— Пошли, — сказал он.

И мы пошли.

Плохие сны

Сегодня я долго не могла заснуть. А когда я наконец заснула, мне приснилась лошадь с синими глазами. Её звали Сима Коростылёва.

Сима ходила по моей комнате и махала хвостом. Потом Сима громко заржала, и я поняла, что это значило:

«Почему ты до сих пор не вернула мне пятьдесят копеек?»

И вдруг она превратилась в Павлика Иванова и как заорёт:

«Бессовестная! Бессовестная! Вчера всю контрольную у меня списала! Сознайся во всём, сознайся!»

Я подумала, что сейчас провалюсь от стыда под землю. И тут же провалилась.

Я проснулась в холодном поту.

Да, всё правда. И деньги я Симе не отдала, и контрольную у Иванова списала. И мне почему-то поставили «пять», а ему «три».

Ну, контрольная — ладно, что уж теперь поделаешь? Списала и списала. Но вот пятьдесят копеек!..

Я вытряхнула из копилки пятьдесят копеек и пошла в школу.

По дороге продавали большие бордовые гранаты.

— Почём гранаты? — нерешительно спросила я.

— Сколько будете брать? — решительно спросила тётенька.

— Один, — сказала я, и у меня во рту пересохло.

— Пятьдесят копеек.

...Когда мы с Люськой ели гранат, я пожаловалась ей на плохие сны.

— А ты спи с открытой форточкой, — сказала Люська.

Л. Пантелеев

Ау

Старшая сестра учила младшую читать. Оленька выучила все буквы, а читать не может, не получается. Никак не складываются буквы вместе.

В книге написано: «АУ».

— Что тут написано, Оленька?

— Не знаю.

— Это какая буква?

— А.

— Молодец! А эта?

— У.

— А вместе?

— Не знаю.

— Ну, как же не знаешь?! Это А, а это У. А если их сложить, что получится?

— Не знаю.

— А ты подумай.

— Я думаю.

— Ну и что?

— Не знаю.

— Ну вот что, — сказала старшая сестра. — Представь, что ты заблудилась в лесу. Как ты тогда станешь кричать?

Оленька подумала и говорит:

— Если я в лесу заблужусь, я буду кричать: «Мама!»

Виктор Драгунский

Зелёнчатые леопарды

Мы сидели с Мишкой и Алёнкой на песке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и уложили её кирпичом и стёклышками, а в центре оставили пустое место для ракеты. Я принёс ведро и положил в него аппаратуру.

Мишка сказал:

— Надо вырыть боковой ход — под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Алёнка сказала:

— Я устала! Перекур!

А Мишка сказал:

— Правильно.

И мы стали отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, нисколечко не загорел. Он подошёл к нам и говорит:

— Здоро`во, ребята!

Мы все сказали:

— Здоро`во, Костик!

Он тихонько сел рядом с нами.

Я сказал:

— Ты что, Костик, такой худущий? Вылитый Кощей…

Он сказал:

— Да это у меня корь была.

Алёнка подняла голову:

— А теперь ты выздоровел?

— Да, — сказал Костик, — я теперь совершенно выздоровел.

Мишка отодвинулся от Костика и сказал:

— Заразный небось?

А Костик улыбнулся:

— Нет, что ты, не бойся. Я не заразный. Вчера доктор сказал, что я уже могу общаться с детским коллективом.

Мишка придвинулся обратно, а я спросил:

— А когда болел, больно было?

— Нет, — ответил Костик, — не больно. Скучно очень. А так ничего. Мне картинки переводные дарили, я их всё время переводил, надоело до смерти.

Алёнка сказала:

— Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят.

Мишка сказал:

— Так ведь и когда здоровый, тоже дарят. В день рождения или когда ёлка.

Я сказал:

— Ещё дарят, когда в другой класс переходишь с пятерками.

Мишка сказал:

— Мне не дарят. Одни тройки! А вот когда корь, всё равно ничего особенного не дарят, потому что потом все игрушки надо сжигать. Плохая болезнь корь, никуда не годится.

Костик спросил:

— А разве бывают хорошие болезни?

— Ого, — сказал я, — сколько хочешь! Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне всё тело, каждую болячку отдельно зелёнкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?

— Конечно, хорошо, — сказал Костик.

Алёнка посмотрела на меня и сказала:

— Когда лишаи, тоже очень красивая болезнь.

Но Мишка только засмеялся:

— Сказала тоже — «красивая»! Намажут два-три пятнышка, вот и вся красота. Нет, лишаи — это

мелочь. Я лучше всего люблю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Ешь сколько хочешь, просто не верится. Один раз я, больной, целую банку съел. Мама даже удивилась: «Смотрите, говорит, у мальчика грипп, температура тридцать восемь, а такой аппетит». А бабушка сказала: «Грипп разный бывает, это у него такая новая форма, дайте ему ещё, это у него организм требует». И мне дали ещё, но я больше не смог есть, такая жалость… Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подпёрся кулаком и задумался, а я сказал:

— Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

— А что? — сказал Костик.

— А то, — сказал я, — что, когда гланды вырезают, мороженого дают потом, для заморозки. Это почище твоего варенья!

Алёнка сказала:

— А гланды от чего заводятся?

Я сказал:

— От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вздохнул и сказал:

— Насморк — болезнь ерундовая. Каплют чего-то в нос, ещё хуже течёт.

Я сказал:

— Зато керосин можно пить. Не слышно запаха.

— А зачем пить керосин?

Я сказал:

— Ну не пить, так в рот набирать. Вот фокусник наберёт полный рот, а потом палку зажжённую возьмёт в руки и на неё как брызнет! Получается очень красивый огненный фонтан. Конечно, фокусник секрет знает. Без секрета не берись,

ничего не получится.

— В цирке лягушек глотают, — сказала Алёнка.

— И крокодилов тоже! — добавил Мишка.

Я прямо покатился от хохота. Надо же такое выдумать. Ведь всем известно, что крокодил сделан из панциря, как же его есть?

Я сказал:

— Ты, Мишка, видно, с ума сошёл! Как ты будешь есть крокодила, когда он жёсткий. Его нипочём нельзя прожевать.

— Вареного-то? — сказал Мишка.

— Как же! Станет тебе крокодил вариться! — закричал я на Мишку.

— Он же зубастый, — сказала Алёнка, и видно было, что она уже испугалась.

А Костик добавил:

— Он сам же ест что ни день укротителей этих.

Алёнка сказала:

— Ну да? — И глаза у неё стали как белые пуговицы.

Костик только сплюнул в сторону.

Алёнка скривила губы:

— Говорили про хорошее — про гриба и про лишаёв, а теперь про крокодилов. Я их боюсь…

Мишка сказал:

— Про болезни уже всё переговорили. Кашель, например. Что в нём толку? Разве вот что в школу

не ходить…

— И то хлеб, — сказал Костик. — А вообще вы правильно говорили: когда болеешь, все тебя больше любят.

— Ласкают, — сказал Мишка, — гладят… Я заметил: когда болеешь, всё можно выпросить. Игру какую хочешь, или ружьё, или паяльник.

Я сказал:

— Конечно. Нужно только, чтобы болезнь была пострашнее. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь купят.

Алёнка сказала:

— И велосипед?!

А Костик хмыкнул:

— А зачем велосипед, если нога сломана?

— Так ведь она прирастёт! — сказал я.

Костик сказал:

— Верно!

Я сказал:

— А куда же она денется! Да, Мишка?

Мишка кивнул головой, и тут Алёнка натянула платье на колени и спросила:

— А почему это, если вот, например, пожжёшься, или шишку набьёшь, или там синяк, то, наоборот, бывает, что тебе ещё и наподдадут. Почему это так бывает?

— Несправедливость! — сказал я и стукнул ногой по ведру, где у нас лежала аппаратура.

Костик спросил:

— А это что такое вы здесь затеяли?

Я сказал:

— Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

— Так что же вы молчите! Черти полосатые! Прекратите разговоры. Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить.

«Где это видано, где это слыхано...»

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки… Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить. Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них подействует отрезвляюще.

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

— Это так говорится: «отрезвляюще», — засмеялась Люся. — А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тяни: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

— Товарищ у меня есть, Мишка. А партнёра нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петь громче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

— Погоди, дай поесть.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезая, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок.

И я не выдержал и сказал тёте Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тётя Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку: мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию.

Там уже сидела наша вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большущими глазами.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здоро`во!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?

— Да.

Он сказал:

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:

— Нуте-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

— Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке: «Где это видано, где это слыхано…»

Борис Сергеевич кивнул:

— Читай вслух!

Андрюшка стал читать:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.
Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачу, а потом показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бум-бум — двойка! Дело известное. Ай да Андрюшка, здо`рово прохватил!

А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьёзно:

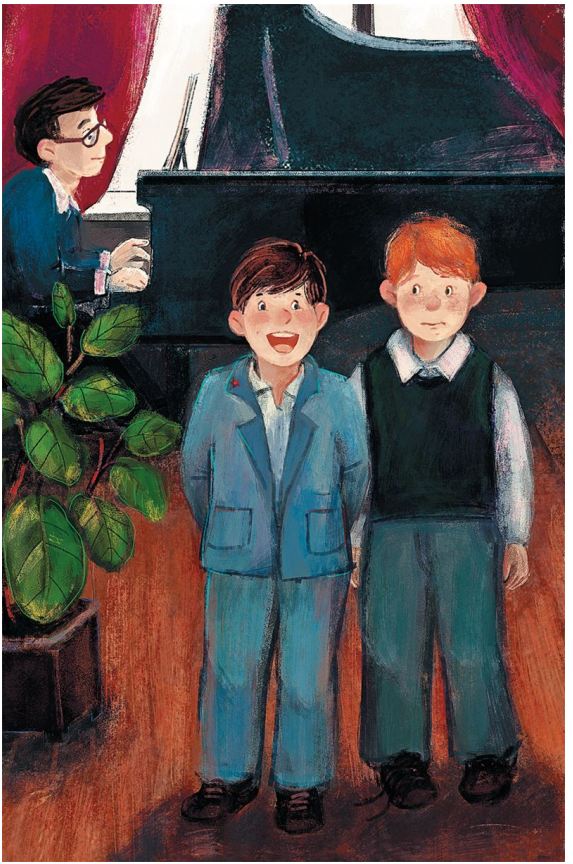
Мелом расчерчен асфальт
на квадратики,
Манечка с Танечкой прыгают тут.
Где это видано, где это слыхано, —
В «классы» играют, а в класс

не идут?!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка просто настоящий молодец, вроде Пушкина!

Борис Сергеевич сказал:

— Ничего, неплохо! А музыка будет самая простая, вот что-нибудь в этом роде. — И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.



Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши.

А Борис Сергеевич сказал:

— Нуте-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой:

— Вот!

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — у Миши хороший слух… Правда, Дениска поёт не очень-то верно.

Я сказал:

— Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

…И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ!
Сегодня на большой перемене

в малом зале состоится выступление
летучего патруля
«Пионерского Сатирикона»!
Исполняет дуэт малышей!
На злобу дня!
Приходите все!

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно.

Я сказал:

— Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:

— Неохота мне выступать…

Я прямо оторопел. Как — неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один? Я сказал:

— Ты что, с ума сошёл, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу выбежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля.

Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

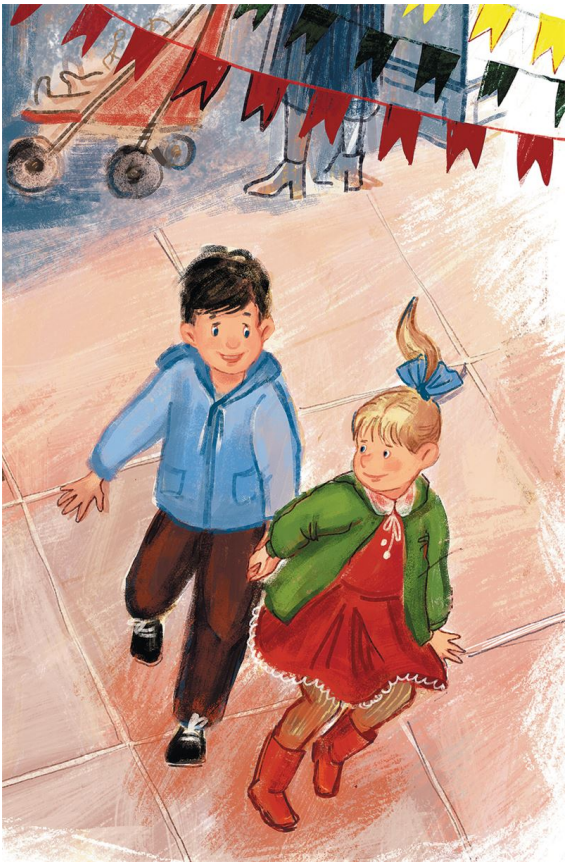
— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперёд. Мишка был белый как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:



Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Все, кто был в зале, рассмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Слава богу, в зале было тихо — все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завёл в третий раз:

Папа у Васи силён в математике,

Учится папа за Васю весь год…

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, и я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слыхано, —

Папа решает, а Вася сдаёт?!

— Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю! — И вежливо говорит Борису Сергеевичу: — Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

Папа у Васи силён в математике,

Учится папа за Васю весь год…

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и

я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну, а я, пока суд да дело, докрикиваю:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка! И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год…

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто

падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни.

Я наверно бы умер, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!

Кристина Стрельникова

Канделябры и бакенбарды

Ну что ещё я могу сказать о Крылове… Кроме басен, у Крылова были удивительные канделябры. Пышные и густые. Не знаю, расчёсывал ли он свои канделябры по утрам или оставлял их расти так: дикими и распущенными. Всё-таки Крылов был русским писателем, поэтому и канделябры у него должны быть дремучими, как русский лес.

А учительница не поняла моего сочинения. Я заметил: она плохо понимает, когда я выражаю свои мысли. Ей надо всё объяснять.

— Как ты умудрился на Крылова канделябры надеть? Ты хотя бы в словарь смотрел, Заляпин?

— Зачем мне словарь? Я и так знаю.

— Канделябры, Заляпин, не бывают пушистыми. Они бывают медными, чугунными, серебряными.

— Чугунные канделябры тяжеловато носить, — согласился я. — А двойку исправите?

Учительница вздохнула. Я заметил: она каждый раз вздыхает, когда прошу двойку исправить.

Так вот, вздохнула она и говорит:

— И вообще, что общего может быть между канделябрами и бакенбардами? Они даже близко

не стояли.

— Как это? Много чего общего! — начинаю спорить я.

— А ты докажи, Заляпин! Тогда исправлю.

Сегодня после школы я даже ел со словарём. Может, у меня слова как-нибудь вместе с макаронами усвоятся?

Подумаешь, совсем чуть-чуть ошибся. «Бакенбарды — полоски волос, оставляемые при бритье между висками и ртом». Фу-ты! Бакены. Бачки. Бокоуши. И откуда эти бакены взялись в XIX веке? А, вот — из Нидерландов. Ну конечно, там же холодно! Северное море рядом. Надо лицо утеплять. Или чтобы звери дикие за своего приняли. Ну и сидели бы там эти бакенбранды, в своих Нидерландах. Но нет, бакенбарды покинули родину и отправились к нам, в Россию. Был один такой русский генерал, который привёз их на себе. Потом все посмотрели на этого генерала и тоже давай носить.

А раньше мода веками не менялась. Пока до одних дойдёт, пока до других. Телевизоров же не было. Целый век бакены были в моде!

Вот поехали бакенбарды на бал. А на балу — что? Блеск. Свечи. Танцы. А если есть свечи, то

есть и канделябры. Потому что канделябры (я уже прочитал) произошли от латинского слова «подсвечник». Всё от чего-то происходит, с ума сойти!

Так вот, дворянские балы. Что там у нас на балах? Полонез, котильон, вальс. Вальс я знаю, в школе учили для праздника. Мне Пышкина все ноги этим вальсом отдавила. Мазурка ещё. До чего довели меня эти бакенброды — до танцев!

— Можно пригласить вас на мазурку? — спрашивают бакенбарды у какой-нибудь дамы.

А та в специальную книжечку смотрит, у неё там всё расписано — когда какой танец и с какими бакенбардами.

И пушкинские бакенбарды, конечно, ездили на балы. Их узнавали все издалека. Но мне нужны крыловские. А он, между прочим, раньше Пушкина бакенбадры носил. Он же на 30 лет старше, я посчитал. Вот только не знаю, выгуливал ли Крылов свои бокоуши на балах. Трудно представить Крылова, вальсирующего, как стрекоза. Оказывается, ещё как выгуливал! И бакенбобры свои он в самом деле не причёсывал. В этом я не ошибся.

Я проверил сочинение. Четыре раза всё-таки неправильно назвал бакенбарды, придётся перечёркивать. Нет, пожалуй, оставлю бакенбобров, жалко исправлять. Они будто звери какие-то. Я

нарисовал рядом на полях косматых зверей. Ну вылитые бакенбобры! Если бы Крылов таких увидел, он бы круче басни сочинял.

Так вот, встречались всё-таки бакенбарды и канделябры! И очень даже близко стояли! Бакенбарды всех фасонов садились в кареты и ехали на балы или в гости. Танцевали бакенбарды под канделябрами под звуки клавесина.

Я сдал своё новое сочинение, а на следующий день спросил учительницу:

— В моём сочинении всё понятно? Или что-нибудь объяснить?

Но учительница только улыбнулась.

Я заметил: она каждый раз так улыбается, когда исправляет мне двойку на что-нибудь хорошее.

Чихалка

У одной девочки был дневник чихания. Кто не знает — это такой дневничок, где по дням недели и по часам расписано, что означает каждое чихание.

Например, пятница, с 12.00 до 13.00 — к свиданию. Но если чихнёшь не в 13.00, а в 13.05, то это уже не к свиданию, а совсем наоборот — к разлуке.

Девочка всюду носила с собой эту ценную вещь. Идёт она, допустим, с подругой в кино. Среди сеанса вдруг чихает. Быстренько достаёт дневник. Смотрит: ага, 18.00 — «нежданный поцелуй». Понятно! Крутит головой — кто же на неё накинется с поцелуями? Но пока вертится, снова чихает. Глядит в дневник, а там — яснее ясного: «тебе мешает подруга». Всё верно, пока от подруги не избавишься, никто не поцелует.

На уроках, конечно, сложнее. Однажды перед входом в класс она чихнула, и это означало: «берегись блондина». Заходит — и точно: историк-то блондин, хоть и лысеющий. Он потребовал от неё ответа, а она снова чихнула. Тут она извернулась и покосилась в чихальщик (а может, в чихаль-

ник, я точно не помню). А там такая фразочка: «он скрывает свои чувства к тебе». Что ей оставалось делать? Она сказала так: «Я не могу вам ответить», а про себя добавила: «взаимностью». И ведь верно, не обманул дневник.

Историк поставил ей двойку, грустно вздохнул и сказал: «Тебе, по-моему, начхать на мою историю». Из этого следовало, что он приложил все усилия, чтобы скрыть свои чувства. По дороге домой девочка чихнула ровно в 17.00 и, пролистав дневник, обнаружила: «предстоит серьёзный разговор». Ещё бы, дома-то уже родители поджидают!

Многие девочки из класса, видя такие точные прогнозы, принялись заводить свои чихальники (нет, наверное, всё-таки чихалки — ну как «гадалки») и переписывать расписание чихов. А в благодарность чихающей девочке подарили небольшую собачку породы чихуахуа.

Только подруга этой самой девочки была недовольна. Потому что весь распорядок дня, да что там — вся дружба! — была подчинена этому злосчастному чихушнику. Собрались они, предположим, на культурное мероприятие — на дискотеку, а тут по дороге — «апчхи!» — и жди, что апчхишник скажет. Если нагадает «приятного гостя сегодня вечером», значит, придётся бежать домой и ждать этого самого гостя. Если гость не придёт, наготове столько объяснений, сколько раз чихнёт за этот вечер девочка. Возможно, «преграды в дружбе», «он не уверен в

своей любви» и даже «придёт не тот, кого ты ожидала».

И вот эта самая эгоистичная подруга, которой надоел чихальник, решила, что девочка что-то слишком расчихалась в последнее время. Купила подруга лекарство от аллергии и капала в столовой по 15 капель в тарелку своей чихунье. Через неделю у чихающей (теперь уже не чихающей) девочки начался кризис. Ну не чихается — и всё тут. Как узнать: идти или не идти, знакомиться или не стоит, отвечать или не отвечать, любит или не любит? Ни одной проблемы не решить без этого самого… уж и не знаю, как его назвать. А коварная подруга на прогулки тащит, на разные мероприятия, в спортивные секции. Как будто сама не понимает, какой опасности подвергает человека, лишившегося предсказания по чиху!

Поначалу девочка даже выходить из дома боялась. А потом — ничего, привыкла. Началась бесчихальная жизнь. Подруга была очень довольна. Только теперь нечихающая девоч-

ка гороскопами увлеклась. Ну ничего, это ещё терпимо, здесь по крайней мере пророчества расписаны не на час, а на целый день. К тому же гороскопы эти по-всякому истолковать можно. И если предсказано: «избегайте встречи с невысоким злобным типом спортивного телосложения», то можно списать это на первого попавшегося бульдога в подворотне.

Любовь к музыке

— Всех, кто забыл дома тетрадь, учебник или голову, прошу выйти из класса, — грустно сказала Амалия Модестовна. — Остаются только ученики, готовые к учебному процессу.

Амалия Модестовна демонстративно встала спиной к классу. Повернулась — все на месте.

«Странно», — подумала Амалия.

— Всех, кто не выучил к сегодняшнему уроку песню «Ласточка», прошу выйти из класса.

Амалия Модестовна нарочно долго смотрела в окно, а когда повернулась — опять все на месте.

«Очень странно».

— Всех, кто не хочет петь или внезапно потерял голос, прошу выйти из класса. Пощады не будет, — предупредила Амалия Модестовна.

Ученики сидели как приклеенные.

Амалия вздохнула. Ну вот… Хоть раз хотела сбежать с урока, как вдруг все дисциплинированными стали! Музыку, что ли, полюбили?

— Хорошо, начинаем урок, — обречённо выдохнула Амалия Модестовна и с тоской посмотрела на свободный мир — туда, где по лужам нервно вышагивал молодой человек с цветами.

Молодой человек с цветами очень надеялся на детей. Если дети сбегут с урока музыки, как всегда, то он сможет вручить эти цветы своей музыкальной возлюбленной.

Тем временем учебный процесс пошёл.

…Нет порою сил,
Труден перелёт,
Только как весна
Без неё придёт?

Ученики пели старательно и душевно, как никогда: прониклись трудной судьбой ласточки.

А за окном — весна! Лепестки от букета падали в лужи. Птицы насвистывали о чём-то хорошем. На всех ветвях насвистывали, кроме одной, самой толстой. Потому что на самой толстой ветке сидел директор Пал Палыч с большущей рогаткой в руке. Он очень любил Амалию Модестовну. Как преподавателя, конечно. Пал Палыч никак не мог допустить, чтобы она сбежала из школы замуж. И так детей учить некому!

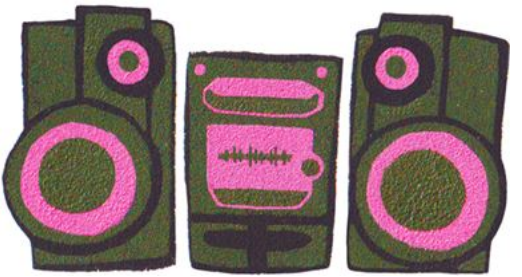
— И где только он такую рогатку взял? С самого детства, видимо, хранил, — проворчал один из поющих, боясь пошевелиться.

И тут же, широко раскрывая рот, затянул вместе со всеми:

...На её пути горы и моря,
Ты лети, лети, ласточка моя![1]

[1] Примечания: 1
«Ласточка» — песня на слова И. Д. Шаферана.

Валентина Дёгтева



Сила удара

Вся школа только и говорила, что о концерте на 8-е марта. На радость мамам и бабушкам Валя Медведева и Витя Веточкин собирались исполнить танец из балета «Лебединое озеро». Игорёк Хрипунцов пел арию, Маша Дятлова — играла на пианино, и все остальные тоже репетировали. Кто стихи, кто сценку. Только Лёха Горохов остался неохваченным. У Лёхи не было никакого таланта, кроме драчливого, и он целыми днями во дворе пропадал.

Но бабушка сказала строго:

— Не может такого быть, что мой внук меня ничем не порадует! Нужно до завтра развить в нём какой-нибудь талант! — И тут бабушкин взгляд упал на торчащую из-за шкафа сувенирную балалайку. — Вот, например, балалайка! У неё всего три струны. Бренчать на балалайке — в крови у каждого русского человека.

Бабушка тут же изобразила на балалайке несколько аккордов «Светит месяц, светит ясный!» и вприсядку прошлась вокруг дивана.

— Ну-ка, Лёш, побренчи!

Вся семья с волнением уставилась на Алексея, который нехотя взял балалайку и дал разочек по струнам — струны сей же час полопались.

— Вот это да, — сказала мама. — Не расстраивайся, сынок. Тройняшки Арбузовы как раз будут выступать как трио балалаечников. Нам нужно что-то более оригинальное! Может быть, игра на пиле в стиле ритм-энд-блюз?

— Мам, а может, я просто в зале посижу? — вздохнул Лёша.

— Все будут блистать талантами, а ты у нас, что, хуже всех?! Папа, тащи ящик с инструментами!

С некоторым опасением папа вручил Лёхе любимую ножовку.

Лёха согнул пилу дугой и не успел услышать ни одного чарующего звука, как ножовка треснула пополам — хрясь!

— Ну, всё, — папа решительно захлопнул ящик. — Об игре на пассатижах или там плоскогубцах меня даже не просите. А я вот слышал… что один джазмен играл соло на сковородках. Они у него были вместо барабанов.

Папа многозначительно посмотрел на маму.

Мама долго прижимала к груди новенький набор керамических сковородок. Со слезами на глазах она разложила их перед Лёхой. А Лёшка

уже начал получать удовольствие от эксперимента. Он весело барабанил по сковородкам половником — но только до первой царапины.

— Нет уж, хватит! — мама выхватила у него половник. — Сковородки — это не твоё!

— Я мог бы сыграть на бабушкиной антикварной стиральной доске, — пожал плечами Лёха. — Но если погну, без обид. У меня, знаете, какая сила удара, когда я в ударе!

— Посиди-ка ты лучше в зале, внучок, — вздохнула бабушка. — Я уже и так порадовалась сегодня. Ты был в ударе.

Концерт начался с выступления Вити Веточкина и пухленькой Вали Медведевой. В костюме белого лебедя она, скорее, напоминала гусёнка в пуху. Даже удивительно, как хлипенькому Веточкину удалось так высоко поднять её на вытянутых руках…

И в тот самый момент, когда он это сделал — бзынь! Кончилась музыка. Заело диск в проигрывателе.

Перепуганный Веточкин так и остался стоять посреди сцены с Медведевой на руках. Медведева таращила глаза и неуклюже хлопала крыльями. Учитель музыки Павел Петрович Глухов в отчаянии давил на все кнопки — полная тиши-

на! На лбу у Веточкина выступил пот… Руки его дрожали.

— Бросай Медведеву, бросай! — раздались крики из зала.

— Я не могу, я не репетировал бросать! — всхлипнул Веточкин. А Медведева разразилась целым потоком слёз на радость мамам и бабушкам. Концерт был под угрозой срыва.

И тут из зала поднялся Алексей Горохов… Гордой походкой он прошёл к музыкальному центру и подвинул учителя Глухова.

— Тут вам не просто так! Тут нужна сила удара! — достаточно было одного удара боевого Лёхиного кулака, чтобы проигрыватель икнул, чихнул и изрыгнул прекрасную музыку Чайковского.

Веточкин и Медведева вновь закружились в танце. А зал аплодировал Лёхе. Особенно бабушка. Она не могла сдержать слёз и решила в тот же день отдать талантливого внука на карате.

Ни стыда, ни совести

Едет Лёха Горохов в школу на автобусе. Болит у Лёхи живот. И зачем он вчера слопал курицу целиком? «Ну, — думает Алексей, — даже если сейчас войдёт сотня пенсионеров и будет на макушку кашлять, всё равно ни за что места не уступлю! До того мне худо».

И, само собой, пенсионер тут как тут. Входит какой-то старичок и становится прямо над Лёхой. Щекочет ему нос длинной бородой. Острым локтем колет в бок. Лёха изо всех сил сжался, чтобы не чихнуть. И глаза зажмурил — будто спит. А старичок ему ещё и палочку на ногу поставил. И говорит, ехидненько так, на весь салон:

— Ну, и молодёжь нынче пошла! Ни стыда, ни совести! — а сам палочкой сильнее надавливает, и бородой щекочет, щекочет… — Я заслуженный волшебник на пенсии, и такое неуважение!

«Опа, — думает Лёха, — волшебник! Вот я попал-то! Уступил бы ему место, он бы мне что-нибудь приятное, а теперь…» Приоткрыл Лёша один глаз, а волшебника уже и след простыл. Сошёл тот на остановке у пруда. Только палочкой на прощание погрозил. Он там всегда лягушек

ловил, потому что был волшебником, прямо скажем, недобрым. Скверным был, мстительным, и решил он Лёшеньке всё припомнить.

С тех пор у Лёхи началась чёрная полоса. На каждом шагу строил ему козни злой волшебник Сухофрукт (так старичка по колдовскому паспорту звали). Если Лёха писал неплохое сочинение, то Сухофрукт подкрадывался ночью и проставлял в тетрадке глупые ошибки. Если бабушка варила вкусный борщ, то Сухофрукт сей же час превращал его в ненавистный Лёхе молочный суп с пенками. Если Лёха мчался на велосипеде, Сухофрукт подбрасывал под колёса битые кирпичи. Если Лёха хотел смотреть свои любимые боевики, Сухофрукт насылал на телевизор проклятья и помехи. А на компьютер — целую армию неизлечимых вирусов, тот даже загружаться перестал.

Перепугался Лёха, купил целый рулон автобусных билетов и целый день катался по одному и тому же маршруту, чтобы снова повстречать того старичка и место ему уступить. Но для этого место приходилось держать, и все прочие старички на Алексея тоже ополчились. «Ну, и молодёжь нынче пошла! Сидит сиднем, смотрит букой!» А среди них затесались пожилые ведьмы Горгона Петровна и Язва Васильевна. Что тут началось…

Все билеты в кассах кинотеатра стали исчезать прямо перед появлением Горохова, даже если это был глупейший китайский мультик «Боевой

тушканчик». Но Лёха уже был бы согласен и на тушканчика, ан нет! Все ботинки, которые покупала мама, оказывались на два размера меньше. Ботинки меняли на большие, но по дороге домой они снова усыхали, как осенние листья. А главное, на мобильном телефоне откуда-то образовался огромный долг за звонки в службу «Сказки на ночь малышам», хотя Лёха в жизни туда не звонил!

И вот совесть Лёху догнала и замучила. И решился тогда Лёха на отчаянный поступок. Заперся в школьном кабинете труда и три дня что-то пилил, строгал, приколачивал.

А потом принёс и поставил возле пруда красивую аккуратную лавочку. Как раз три злых волшебника поместятся, если захотят после ловли лягушек обсудить свои дела. И место хорошее, солнечное. Лавочку Лёха зелёной краской выкрасил, в лягушачий такой цвет. И отошёл за дерево, понаблюдать издалека…

Откуда ни возьмись — Сухофрукт, Горгона Петровна да Язва Васильевна. Плюхнулись на новую лавочку, довольные:

— Ну, что, проучили мы его? Долго помнить будет! Так и быть, снимем все заклятия, парень-то неплохой, ершистый только.

Улыбнулся Лёха Горохов. Хороший вышел поступок. Достойный. Жаль только… забыл он на лавочку прикрепить табличку «Осторожно, господа волшебники. Окрашено!»

Мумия

Как-то Лёху Горохова вместе со всем классом повели в музей. А Лёха в музей не хотел, он хотел в кино, на фильм «Беспощадная мумия». В кино не соскучишься, а в музее этом — хоть с тоски помирай. Какие-то короли, которые уже давно с этой самой тоски умерли. Какие-то сабли ржавые. Горшки битые. И ни одного стула, чтобы присесть — ходи и ходи за экскурсоводом…

— Приглядитесь к этому черепку! На нём мы видим кончик носа какого-то древнего грека! Руками грека не трогать, я сказала! — и так без конца.

Поглядел Алексей на часы — сеанс в кинотеатре через полчаса начинается! Надо с этой экскурсии бежать. Завернул Лёха тихонечко за какой-то саркофаг и стоит там, ждёт, пока весь класс в другой зал перейдёт.

— Уууууу, — шепчет, — скукота. Тоска зелёная!

— Не знаешь ты, мальчик, что такое тоска зелёная, — раздалось из саркофага. — Ты в музей вошёл и вышел, а мне тут до скончания века торчать. А я, может, тоже хочу в кино на фильм «Беспощадная мумия». Не каждый день про меня

фильмы показывают.

Лёха холодным потом покрылся, едва к стене

не прилип.

— Так ты мумия?!

— А по-твоему, кого в такие футляры кладут? Контрабас?

— А ты мумия-мужчина или мумия-женщина? — поинтересовался Лёха. Надо же к ней как-то обращаться. А то перепутаешь, а она — или он? — обидится и придушит.

— Это так давно было, что я уже не помню. Зато я все экскурсии наизусть знаю. Вон на том черепке — кончик носа древнего грека. А вон та железяка — шпора Карла Десятого Кривоножки. Абонемент на месяц — тысяча рублей… Не бегать, не проносить напитки, руками не трогать!

— И впрямь твоя скука скучнее моей, — признал Алексей. — И совсем ничего нельзя сделать?!

— Почему же, можно. Я как раз жду рыцаря, который освободит меня из тысячелетнего плена, — тут из саркофага высунулась перебинтованная рука мумии и легонько придушила Лёху. — Снимай бейсболку и очки.

Лёха в ужасе передал мумии кепку и свои очки от солнца.

— Теперь джинсы и свитер. И кеды.

— Да ты чего, мумия?! Что ж я, голым буду бегать по музею?! Это культурное место!

— А ты не будешь бегать. Посидишь в этом древнем чемодане вместо меня. Если приведут младших школьников, можешь немножко повыть и постонать.

Мумия затащила раздетого Алексея Горохова в пропахший плесенью саркофаг, а сама напялила джинсы, свитер, кеды, очки и кепку. В кармане штанов у Лёхи лежал билет в кино. Мумия посмотрела на Лёхины часы:

— Пора! Не тоскуй, к вечеру вернусь, — и в таком виде она легко проскользнула мимо охраны. В кино мумия хохотала утробным голосом на первом ряду, разбрасывала вокруг себя попкорн и вскрикивала: «Вот заливают! Да не было такого у нас в Египте!» Между тем Алексея в саркофаге охватила зелёная тоска. Он выл и стонал перед всеми подряд. Даже вообразить страшно, какое впечатление он произведёт на младших школьников, если покажется из саркофага в одних трусах! Тем временем рабочий день закончился, охрана сделала обход. Дома, наверное, с ума сходят, разыскивая своего Алёшеньку. Мумия не показалась и к полуночи.

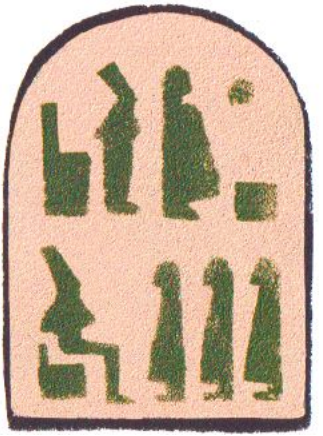
Она явилась только под утро. С полными сумками барахла, которое прикупила на карманные деньги Горохова. Мумия весело щебетала:

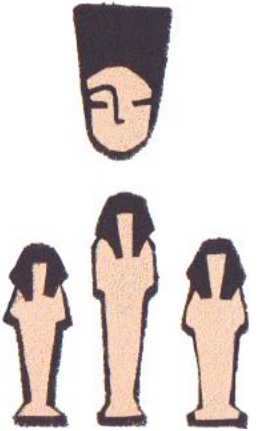
— Знаешь, я вспомнила! Я — мумия-девушка, это совершенно точно! После кино меня прямо так и потянуло по магазинам! Я себе платьишко нашла и такие колготочки телесного цвета… Забирай свои обноски, мне больше не пригодятся. Но ты заходи, отважный рыцарь, тут по пятницам такие увлекательные экскурсии!

У ворот музея бродили заплаканные родители с нарядом полиции.

— Да куда же ты провалился?! — обняла мама Лёшу, одновременно шлёпая его по попе.

— Это, мамуль, в музее оказалось так увлекательно. Все эти черепки, ржавые сабли, мумии… Ну, просто никак нельзя было вырваться!!





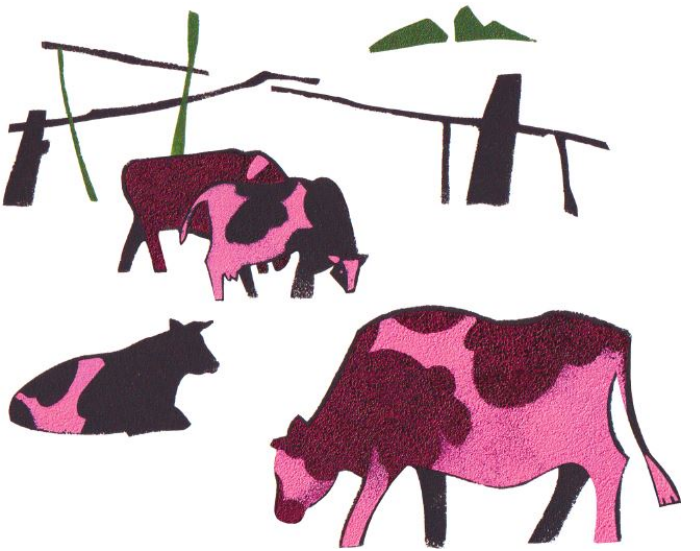
Лёха Горохов и муки творчества

На каникулах Лёха Горохов жил не тужил, катался на скейте, ходил в кино, играл в игры… И тут пришла беда, откуда не ждали: задали Горохову в школе написать сочинение. Самое обычное сочинение — «Как я провёл лето», — а какая это, оказывается, пытка!

Два часа Лёха на стуле ёрзал, ни словечка не высидел. То в окошко поглядит, то в телевизор, то в телефон. Время движется, а сочинение — нет. То есть, ясное дело, что лето он провёл весело! Да только отчего писать об этом так скучно? Хоть бы оно само как-нибудь написалось, сочинение проклятое…

И решил тогда Лёха сочинение в интернете скачать. В интернете всё, что угодно, найти можно! Вот, пожалуйста, и отличное сочинение сразу нашлось: «Хорошо летом в деревне у дедушки Шуры и бабушки Нюры. Растёт на огороде морковка. Солнышко ярко светит. Птички весело поют. В реке плещутся рыбки. В сарае у дедушки пахнет свежей стружкой. А на лугу ест сочную траву пятнистая корова Зорька. У нашей Зорьки молоко — самое вкусное на свете! А бабушкины

пирожки с малиной — самые румяные! Ах, скорее бы снова лето!» И не беда, что нет у Лёхи Горохова в деревне никакого дедушки Шуры и никакой бабушки Нюры, и с коровой Зорькой он не знаком. Скачал, распечатал — и можно бежать на скейте кататься. Только сперва надо Вовке позвонить.



— Привет, Вован! Ты сочинение написал?

— Написал! Хорошее. Про корову и про бабушку.

— Погоди. Как про корову? И я про корову. А твоя корова какая?

— Пятнистая! А твоя бабушка какая?

— Пирожки печёт! А дедушка что-то мастерит в сарае.

— И мои туда же. Нет, так дело не пойдёт. Мы с тобой, видать, одно и то же сочинение скачали. Надо быстренько всё местами переставить. Созвон через десять минут!

Рассердился Лёха, схватил ручку и давай срочно сочинение переделывать. А как его переделать? «Хорошо летом в деревне у бабушки Шуры и дедушки Юры. Растёт на огороде трава. Солнышко не светит. Пятнистые птички поют невесело. В сарае у дедушки пахнет свежей морковкой. А бабушкины пирожки со стружкой — самые сочные! Румяная корова Зорька плещется в реке и вовсе не даёт вкусного молока. Ах, скорее бы снова лето!»

— Ну, как? — гордо спросил Лёха у Вована, когда прочёл ему сочинение. — Круто?

— Что-то, Лёшка, не то, — вздохнул тот. — Чем же в деревне хорошо, если птички поют невесело,

пироги со стружкой, а корова молока не даёт?

— Точно. Надо поправить на «Летом у нас в деревне очень худо…» И с расспросами сразу отстанут. А теперь своё прочти!

— Я вообще всё-всё поменял. Училка ни за что не догадается. Слушай! «Хорошо летом в деревне у коровы Зорьки. Плещется в реке румяная баба Нюра. Весело поёт дедушка Шура и ярко светится. Птички на лугу едят пирожки с малиной. В сарае у дедушки растёт сочная трава. А пятнистое молоко пахнет свежей морковкой…»

— Погоди, погоди, — возмутился Лёха. — Но это уже чепуха полная. Не бывает молока, которое пахнет морковкой, если только твоя корова — не с Марса свалилась.

— А может, и с Марса! — рассердился Вован, которому всё это страшно надоело. — Так и поправлю: «Хорошо летом у бабушки на Марсе!»

— Твоя бабушка, значит, с Марса, а моя обычная? — обиделся Лёха. — А моя тогда будет с Юпитера! А корова моя — умеет читать мысли и проходить сквозь стены!

— А моя — имеет диплом конструктора космических ракет!

— А моя — ныряет на глубину до тысячи метров и дышит под водой! А мой дедушка Шура настрогал больше всех стружки во всей деревне! И слопал больше всех пирожков! И теперь пахнет малиной!

— А мой дедушка Юра летает, как птичка!

— А моя бабушка Нюра скачет по грядкам на пятнистой корове!

— Вот это ты сейчас здорово придумал! — расхохотался Вовка. — Скорее записывай! Ну, теперь-то они точно не скажут, что мы одно и то же сочинение скачали! У нас всё-всё по-разному! Айда на великах кататься!

Но не успел Лёха обрадоваться и натянуть кеды, как в дверь позвонили…

На пороге стояла корова Зорька в космическом скафандре, рядом — совершенно малиновый дедушка Шура, и порхала над ними румяная бабушка Нюра с пучком свежей морковки в руке.

— А вы… к кому? — еле выдавил от изумления Лёха Горохов.

— К тебе, внучок, к тебе! — расплылся в улыбке малиновый дедушка. — Соскучились уже! А как у тебя погостим, к Вовке Пыжову пойдём, он ведь нам тоже как родной. А потом и к Катьке Мартыновой заглянем, и к Максу Потапову… Пока всех навестишь — как раз и следующее лето наступит. А лето в нашей деревне пора весёлая — рыбки поют, птички в сарае плещутся…

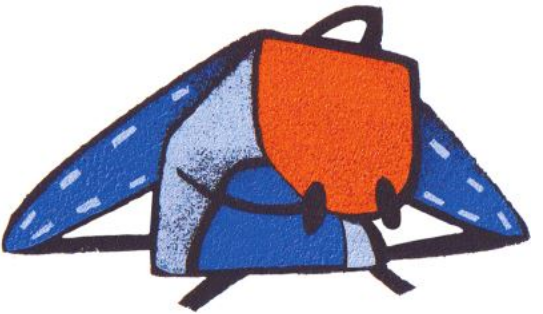
— Коровы малиновое варенье дают, — сердито буркнула Зорька.

— Благодать!! Эй, куда же ты, внучок?! Не рад

будто? А поболтать со стариками?

Но Лёха Горохов уже мчался на велике по улице, накручивая педали босыми пятками… Он испуганно оглядывался, и мысли сами собой, без всяких мук, складывались в сочинение: «А лето я провёл хорошо. Просто прекрасно. Плавал, гулял, ел мороженое… А вот про малинового дедушку и космическую корову я вам, Надежда Сергеевна, ни слова не напишу! Вы просто не поверите! Вот так всегда — про самое интересное нельзя писать сочинения! А про всё остальное — ужасно скучно! Согласный на тройку с минусом, ваш Алёша Горохов…»

Дмитрий Сиротин



Школьный ранец

Здравствуйте. Вы чьих будете, гладкая да красивая? Сумочка Тани Смирновой? Понимаю. Завидую… В свою очередь, разрешите представиться. Школьный ранец Вити Лопаткина. Ну-ну, не надо меня жалеть. Каждому — своё… Точнее — свой… Присаживайтесь, только осторожней. Не на меня. А то Витя Лопаткин очень часто на меня садится. Особенно когда с горки катается. Поэтому я такой сплющенный… А что помят и углы оборваны — так это Витя мною по голове своих друзей лупит на переменках. На уроках учителя знания дают, а на переменках Витя эти знания, так сказать, закрепляет в головах своих друзей: бух! — и теорема Пифагора навсегда в башке засела!..

А что ручка у меня оторвана — так это Витя с товарищами замечательную игру придумал: «Кто дальше зафиндюлит свой ранец» называется. Выйдут на улицу — и давай ранцы швырять.

У кого дальше всех получилось бросить — тот и молодец. У Вити часто получается… Но я-то не чугунный. Однажды кинул он меня, полетел я дальше всех. А ручка от меня — у Вити в руках осталась… М-да.

Но оно и к лучшему, что ручки нет. Теперь меня кидать не за что. А то, бывало, не только на улице мной Лопаткин швырялся, но и дома. Придёт домой из школы — как зашвырнёт меня куда подальше с криком: «Достали все!!!» Ох, девушка, куда я только в этих случаях не попадал: и в аквариуме с рыбками плавал, и в телевизор впечатывался — прямо в Андрюшу Малахова, он даже замолкал ненадолго от удивления… И в кастрюлю с борщом нырял… В общем, куда Витя бросит — туда и летишь, сами понимаете. У вещей не спрашивают, хочется им, к примеру, борща или, наоборот, котлет с компотом.

Да вы не жалейте меня, девушка, не плачьте! А то тоже помнётесь, и тогда хозяйка ваша, Таня Смирнова, очень расстроится. Хотите, смешное расскажу? Как мой хозяин меня в школу собирал…

Ну, сами понимаете, он допоздна за компьютером торчит, а утром — будильник звонит-звонит, звонит-звонит, а Витя не слышит. Будильник и

так, и сяк на все лады разоряется… А Лопаткину хоть бы хны. Я уж и то будильнику говорю: «Петрович, ну чего ты глотку зря дерёшь? Сорвёшь пружинку, и выкинут тебя на помойку. Помолчи, нехай проспит разок. Поставят этому лодырю двойку за опоздание — будет знать». Но Петрович — он старой закалки. Он ещё Витиного дедушку будил. Так что пружину чуть не сорвал, но разбудил Лопаткина нашего.

И стал Лопаткин в школу собираться. Сперва, конечно, носки начал искать. Один-то сразу нашёл, у себя на ноге. А вот второй долго не мог обнаружить, пока в холодильник за завтраком не полез…

Ну, штаны у Витька, как полагается, на люстре висят. Куртка в аквариуме, рыбок кормит. Это уж не нами заведено, не нами и окончится.

Кое-как оделся, значит, хозяин мой. И тут вспомнил, что я-то у него с вечера не собран! Как стал он лихорадочно тетрадки да учебники искать, ха-ха-ха! Ой, больно смеяться: бок оборванный ноет… Ищет-ищет, но тетрадка не штаны, на люстру так просто не повесишь! Решил Витя сперва дневник тогда найти: узнать хоть, какие уроки намечаются… А дневник у него всегда в самом загадочном месте. То за шкафом, то под

ванной. В общем, не нашёл Витёк дневника. И на всякий случай все десять учебников и двадцать тетрадок в меня запихал! Стал я толстым, как поросёнок откормленный, ха-ха-ха! Ой, не могу… Витя пеналом сверху всё это дело придавил и стал меня застёгивать. Тут, конечно, у меня молния-то, прошу прощения, и разошлась…

Ну, разошлась и разошлась, всякое бывает, дело житейское. Но тут Витя подумал: а вдруг ещё урок физкультуры будет? И на всякий случай поверх

этой огромной бесформенной кучи ещё и пару кроссовок ка-ак засандалит, хо-хо-хо! Поднял он меня еле-еле, и — только на плечо повесил, — ба-бах! — что такое?

А это, извиняюсь, у меня дно вылетело!..

И вот стоит мой Лопаткин посреди коридора, как памятник. Все учебники-тетрадки, конечно, на полу. И я вместе с ними, без дна и с разорванной молнией.

Будильник на тумбочке хохочет, а мне и смех, и грех.

Я будильнику говорю:

— Петрович, тебе смешно, а мне попу оторвали. Да и ребёнок в школу опоздал.

Ну, в общем разозлился Витёк, пнул меня, как обычно, посильней. Сложил учебники-тетрадки в какой-то мешок и ушёл в школу, двойки свои любимые получать. А меня потом всё воскресенье Витина мама зашивала, святая женщина. Да…

Ладно, девушка, не буду больше Вас задерживать. Вон уже хозяйка Ваша, Танечка Смирнова, из столовой возвращается. Сейчас и моё чудо отобедать изволит. О, уже изволило. Бежит! Сил Витёк набрался, чувствую, далеко сейчас полечу! Очень приятно было пообщаться. Даст Бог, завтра свидимся. Если, конечно, доживу-у-у-у-у….

Очень интересный спектакль

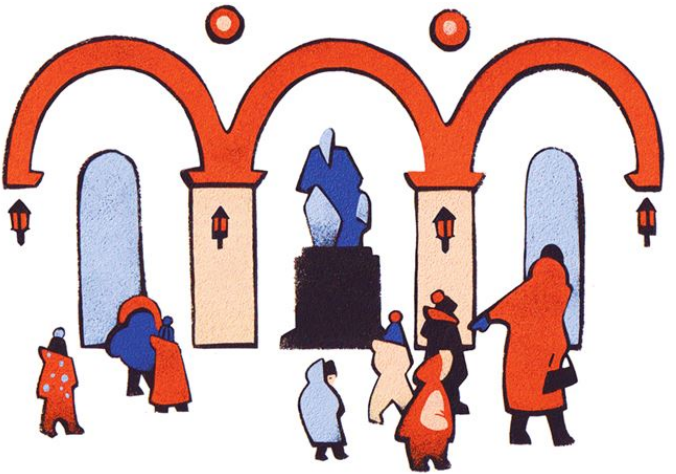
Как-то раз мы с классом пришли в театр. То есть не сразу пришли. Сначала мы целый месяц деньги собирали на билеты. Собирали-собирали, наконец, несмотря ни на что, всё-таки собрали. Как наши родители ни ругались. Особенно мои. Мол, нечего деньги на всякие театры тратить, ничего там хорошего не покажут…

И вот пришли мы в театр. А в театре народу видимо-невидимо! Скорее — невидимо, чем видимо. Потому что — мало народу. Кроме нашего класса никого и нет. Всего два ряда занято. Остальные тридцать три свободны. Расселись мы согласно купленным билетам и стали ждать, когда спектакль начнётся. Ждём-ждём, а он всё не начинается. Мы, конечно, шуметь начали. Беседовать на разные интересные темы. Жвачками друг в друга кидаться.

Учительница наша, Любовь Викторовна, говорит:

— Сидите тихо. Кто будет буянить — тому двойку по поведению поставлю.

Я спрашиваю:



— А как не буянить, если делать нечего?

Учительница объясняет:

— Наберитесь терпения. Спектакль по правилам начинается только после третьего звонка.

Я говорю:

— В школе, значит, сразу после первого звонка надо на урок бежать, а в театре артисты только

после третьего звонка играть начинают? Ишь какие! Несправедливо!

Учительница отвечает:

— Я тебе, Шпилькин, прямо сейчас два поставлю. Что ты привязался к артистам? В театре свои правила, а в школе свои. Тебе хоть десять звонков дай, всё равно на урок не затащишь!

В общем, просигналил наконец третий звонок, выходит на сцену какая-то маленькая тётенька.

Мы обрадовались и громко зааплодировали.

— Здравствуйте, дорогие ребята! — говорит тётенька.

— Здра-а-а-а-сть! — отвечаем мы.

Тётенька расстроилась:

— Что-то тихо вы кричите. Наверное, мало каши с утра ели?

Я говорю:

— Знаете, тётенька, мы вообще каши с утра не ели! Лично я тарелку борща навернул.

Любовь Викторовна сделала страшное лицо. Но я не испугался.

— Тарелку борща? — смеётся тётенька на сцене. — Кто же с утра борщ ест?

— А что тут такого? Мы всегда борщ по утрам едим, — отвечаю. — Только я его компотом запиваю, а папа — водкой. Пока мама не видит…

Любовь Викторовна сделала лицо ещё страшнее прежнего. Но я всё равно не испугался.

Тётенька на сцене на секунду задумалась, а потом продолжила:

— Ребята, а вы знаете, куда вы пришли? — спрашивает нас.

Мы удивились: что она, с ума сошла? Мы, хоть и во втором классе учимся, но не совсем же дураки. Понимаем, что в театр пришли, а не в баню.

Я говорю:

— Тётя, мы на ваш театр целый месяц деньги собирали. Представляете, как тяжело было родителей уговаривать? И после этого вы думаете, что мы не знаем, куда пришли?

Любовь Викторовна как зашипит на меня:

— Шпилькин, замолчи!

Но маленькая тётенька как будто бы не обиделась. Привыкла, наверное, ко всякому.

— Да, детки, совершенно верно, — говорит. — Вы пришли в театр. А вы знаете, как нужно вести себя в театре?

— Не-е-ет! — отвечаем мы.

— Может, в театре надо на люстрах качаться или со сцены солдатиком прыгать? Это мы быстро, нам только скажи! — кричу я тётеньке.

Любовь Викторовна показала мне кулак.

— В театре, — улыбается тётенька, — надо вести себя тихо.

— Ну вот!.. — расстроился я.

Учительница показала мне два кулака.

— Да, — вздохнула тётенька, — очень тихо, чтобы не сбивать артистов. Они и без вас собьются… Ой, то есть я хотела сказать: артисты — они будут показывать вам сказку. А если вы станете шуметь, сказка испугается и убежит. М-да. А теперь — приготовьте ладошки, и давайте поаплодируем нашим замечательным артистам!

Я говорю:

— Зачем же я им аплодировать буду? Они ж ещё не вышли!

— Шпилькин, ещё одно слово — и завтра в школу с родителями! — скрежещет Любовь Викторовна и показывает мне три кулака.

Но та маленькая тётенька на сцене опять улыбнулась и говорит:

— В театре так полагается: свет выключается, занавес открывается, и — звучат аплодисменты. Понятно? Правила такие.

— Не разбери поймёшь что! — кричу я. — Ещё сказка не началась, а уже куча правил. Несправедливо!

— Шпилькин!!! — возопила Любовь Викто-

ровна.

Но я не успел ей ничего ответить, потому что в зале резко погас свет и мы все от неожиданности сказали: «Ой!» А потом стали аплодировать. А потом заиграла медленная, красивая музыка, свет постепенно стал включаться. И мы увидели, что той первой, маленькой тётеньки на сцене больше нет. А есть длинное помятое небо и дерево из проволоки. А потом на сцену вышла другая тётенька — очень большая и в маске зайца.

— Уж я зайчик, побегайчик, серенький да маленький. Потерял я, бедный зайчик, где-то свои валенки… — примерно так сказала эта очень большая тётенька хриплым голосом, а потом закашлялась.

Мне стало её жалко, и я крикнул:

— Тётя, не болейте, пожалуйста! У вас, наверное, температура высокая? Бред начался? Потому что — какой же Вы зайчик? Вы скорее бегемотик, который зайчика съел. И валенками закусил.

Все засмеялись, а Любовь Викторовна вдруг схватила меня в охапку и выволокла из зала.

— Сиди, — говорит, — в фойе, невоспитанный человек, и жди нас!

Ну, я подождал полчасика.

Потом наши выходят. Я у Пашки Шишкина

спрашиваю:

— Ну как тебе? Понравилось?

А Пашка говорит:

— Ещё бы! Очень интересный спектакль, зря ты не остался!

Ну, я спорить не стал. Может, и правда интересный, Может, я чего-то в жизни не понимаю…

Рассказал вечером родителям обо всём, что со мной в театре случилось, и про то, что их в школу завтра вызывают, а они и говорят:

— Ну вот, а мы предупреждали, что ничего хорошего от этих театров не бывает! Одни проблемы…

Добрые дела

Мне сказали: перевоспитывайся. Больно уж ты невежливый. Грубишь товарищам и учителям. Директору хлопушку на стул подложил. Он тебя, говорят, как человека в кабинет к себе вызвал, побеседовать о твоём поведении. А потом на минуточку зачем-то из кабинета вышел, а когда вернулся — его уже на стуле хлопушка ждала. А директор, наоборот, хлопушки на стуле не ждал. Даже не подозревал о ней, пока не сел… Очень, говорят, ты директора расстроил. Если на днях не перевоспитаешься — он тебя из школы выгонит. Придётся тебе тогда идти работать.

А работать я не хочу, конечно.

Вот и спрашиваю: как перевоспитываться? А мне говорят: измени своё плохое поведение на хорошее. Бабушку какую-нибудь через дорогу переведи. Дедушке в трамвае место уступи. Домашние животные у тебя есть? О них позаботься. Покорми, например, хоть раз.

Вышел я из школы и сразу решил начать перевоспитываться. Смотрю: бабушка какая-то идёт. Я ей говорю: давай, старая, через дорогу переведу.

А она говорит: не надо мне через дорогу, спасибо. Я, говорит, уже домой пришла. Я ей вежливо так: как же не надо через дорогу? У меня запланировано… Ну, она ругаться стала. Мол, отвяжись, окаянный. Пропусти, мол, дай в подъезд зайти. Но я благородно так, с улыбочкой, схватил её в охапку и через дорогу перетащил. Потому что вежливость — прежде всего. Ну, она голосить стала: дескать, нажалуется на меня куда следует. Как, кричит, твоя фамилия и где ты учишься. Я говорю: Жмуриков Семён, школа номер восемь… А чего мне скрывать? Я же доброе дело сделал, не злое. Пусть жалуется, если ничего не соображает, карга старая.

Ладно. Огляделся я в поисках какого-нибудь дедушки. Гляжу: идёт дедушка. Такой, как надо. Старенький, бородатенький, с палочкой. И трамвай как раз подходит. Я дедушке говорю: заходи,

старикан, в трамвай, а я тебе там место уступлю. Чего вылупился? Шевелись, мне не терпится перевоспитаться.

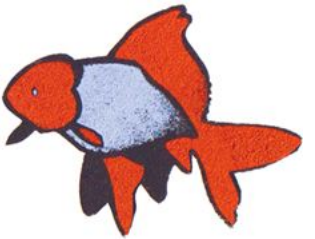
Старикан удивился и отвечает: молодой человек, мне вовсе не надо в трамвай. Я, наоборот, за хлебом иду в угловой магазин. Зачем же мне куда-то ехать? Ну, старый, глупый, не понимает… В общем, запихал я его в трамвай, сам следом прыгнул. Поехал трамвай. А дед ругаться начал. Мол, что за самоуправство? Я говорю ему: ты, борода, не ори. Лучше садись. Я тебе специально место уступил. Там какая-то мамаша с девчонкой мелкой сидела, так я их, видишь, сковырнул с кресел ради тебя. Присаживайся, а то совсем рассыплешься, уважаемый ты мой человек. Чеши себе хоть до трамвайного парка. Он кричит: зачем мне в парк? Мне в магазин надо, за хлебом! Так всю дорогу до парка и злился. Ещё и обещал про меня куда надо сообщить. Я говорю: сообщай, сообщай, пенёк старый, если ничего в добрых делах не понимаешь. Жмуриков я, Семён, школа номер восемь… Что за народ неблагодарный пошёл.

Совсем я загрустил. К вечеру домой вернулся. Подошёл к своим домашним животным. К рыбкам аквариумным. Они у меня молчаливые, ругаться не станут. Да и зачем им ругаться? Я же их покормлю. А то три недели некормленые. Вот мальков своих и съедают. Опять, гляжу, ни одного малька в аквариуме не наблюдается. Непорядок

это. Вытащил я рыбку самую мордатую и пузатую и говорю ей: как же тебе не стыдно собственных детей лопать. Вот посмотри мне в глаза и скажи: больше, мол, так делать не буду! А она не смотрит в глаза. Вообще как-то сникла. Ну, я подумал, стыдно ей всё-таки стало.

А она, видите ли, сдохла. Её, видите ли, нельзя было из воды вытаскивать. Это мне в зоомагазине тётка-продавец объяснила. А я почём знал. Я, наоборот, как лучше хотел. Я продавцу говорю: давай, говорю, тётка, из этой рыбы хоть мальков вытряхнем, которых она слопала, может, они там ещё живые. А продавец от этих слов почему-то в обморок упала. А когда очнулась, как закричит: «Изверг ты малолетний!!!» Я говорю: я не изверг, я Жмуриков Семён, школа номер восемь…

А теперь исключать меня из школы собираются. За что — не знаю. Обидно до слёз. Ещё и на работу теперь придётся устраиваться. Пойду в больницу, хирургом работать: и добрые дела делать буду, и ножики разные хирургам, говорят, бесплатно выдают… Прикольно.



Людмила Ткаченко

Жизнь в шоколаде по фэн-шую

Я как раз дописывал предложение, когда в комнату зашла старшая (ей уже девять лет) сестра Дашка и встала у меня за спиной. А я терпеть не могу, когда дышат мне в затылок. Ручка тут же поехала в сторону и место точки прочертила кривую линию. Домашнее задание было испорчено. Я разозлился и запустил в сестру тетрадкой.

— При чём здесь я?! — возмутилась Дашка. — Ты просто делаешь уроки в неправильном месте!

— За письменным столом, — обиженно пропыхтел я, — куда уж правильнее.

— За письменным столом, — передразнила меня сестра, — а где он стоит?

— В комнате, — удивился я такому вопросу.

— А по фэн-шую он должен стоять в зоне мудрости!

Я заморгал глазами — что ещё за зверь такой — фэн-шуй?!

— Это не зверь, — снисходительно фыркнула Дашка, — а учение такое специальное.

И стала втолковывать мне, что если следовать его правилам, то жизнь будет лёгкая и весёлая, потому что всё будет делаться само собой. Глав-

ное, правильно квартиру на зоны поделить. И делать уроки только в зоне учёбы, или, по-фэн-шуйски, в зоне мудрости. Тогда от пятёрок отбою не будет. Это мне понравилось.

— Слушай меня, — важно сказала Дашка, — и будешь весь в шоколаде.

Я кивнул. Мы тут же создали тайное общество фэншуйщиков-заговорщиков, естественно, с Дашкой во главе, и дали клятву всегда и везде следовать этому учению. Следующий час мы при помощи компаса (потихоньку одолженного у папы) и каких-то загадочных таблиц и кругов вычисляли зону учёбы в нашей квартире. По всему получалось, что она у нас в кладовке.

— Ну, вот, — возмущённо сказала Дашка, оки-

дывая взглядом ряды банок с огурцами, — и они (в смысле родители) ещё хотят, чтобы мы хорошо учились! Ну, какой мудрости можно набраться от огурцов?!

— Вот именно, — поддакнул я, — здесь даже некуда поставить стол!

Расставаться с мечтой о «самособойделанье» не хотелось. Я напомнил сестрёнке, что она у нас главная, так что пусть шевелит извилинами, как говорит папа. Дашка подумала и сказала:

— А что, если задобрить фэн-шуй и украсить кладовку амулетами?

Таинственных амулетов у нас не было, и мы развесили по кладовке мамины бусы. Наконец всё было готово к «набиранию» мудрости. Но тут пришла мама и прогнала нас спать. Я даже не успел стихотворение дочитать.

— Спи спокойно, — утешила меня Дашка, — фэн-шуй уже загнал его в твою голову!

Но, наверное, фэн-шую не понравились мамины бусы вместо амулетов, потому что на уроке в своей голове я никакого стиха не обнаружил. Да и вообще на урок я опоздал. Потому что утром Дашка заявила, что двигаться к цели надо, глядя строго на восток. Кое-как определили его по папиному компасу. К сожалению, этот самый

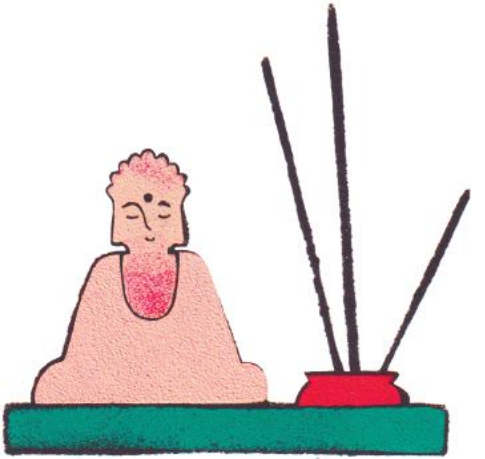
восток оказался совсем не там, где наша школа. Идти с повёрнутой вбок головой было ужасно неудобно. Я три раза упал. Хотел разреветься, но Дашка напомнила про данную клятву. Поэтому я даже не оправдывался, когда Ольга Ивановна меня отчитывала за внешний вид, опоздание и невыученное стихотворение, а потом ещё и за драку на физкультуре.

— Кирюха, пасуй!!! — вопил мой друг и капитан футбольной команды Лёха. Я уже собрался стукнуть по мячу, как вспомнил про клятву, ну, про то, что всегда и везде… А по фэн-шую-то движение надо начинать с правой ноги, чтобы уж наверняка. Или с левой… В общем, пока я с ноги на ногу переминался, Димон из вражеской команды мяч у меня увёл и гол нам забил. Ребята на меня здорово разозлились, а Лёха больше всех. Вот мы с ним и подрались. Мне было ужасно обидно, но я всё равно остался верен нашему с Дашкой тайному обществу и на русском языке на доске предложение левой рукой написал. Как и положено по фэн-шую. Тут Ольга Ивановна не выдержала и моим родителям послание настрочила. Вечером дома был разговор с папой. Пришлось нам с Дашкой рассекречиваться. Послушал папа о наших мечтах о шоколадной жизни и грустно вздохнул:

— Никакие вы не фэншуйщики, а самые обыкновенные бездельники!

И расставил нас с Дашкой по углам, строго на восток, по фэн-шую.

В общем, шоколад я с тех пор не ем.



Чему равно «Паша + Даша»

Сколько помню, моя старшая сестра Алёна всё время записывалась в какие-нибудь кружки: то она танцует, то рисует, то вышивает крестиком. Поэтому, когда она объявила, что стала членом студенческого научного кружка, я не обратил на это никакого внимания. А между тем Алёнка весь вечер трещала о том, какая занимательная наука эта детская психология, и при этом почему-то поглядывала на меня. Наконец она перестала восторгаться, и мне сразу стали понятны её кровожадные взгляды, потому что она спросила:

— Паш, ну ты же мне поможешь, правда?

Я замер… даже дышать перестал…чтобы случайно не кивнуть!

— «Поможешь» бывают разные, — осторожно начал я, — не очень-то я понял, с чем едят твою детскую психологию, — пояснил я и подумал, что, кажется, зря не слушал рассказа сестры.

— Ну, это просто! — махнула рукой Алёнка. — Я буду изучать поведение детей, а потом давать им советы, как правильно себя вести!

— Ну, уж нет! — возмутился я, — и так целыми днями поучают все, кому не лень!

— Ты будешь себя только вести, — успокоила меня сестра, — а советы я другим давать буду! Плюс шоколадка! — добавила она, заметив мои сомнения.

Так, по определению моего друга Славки, я стал подопытным кроликом. Но мне это даже нравилось — по указанию Алёнки я себя как-нибудь вёл и получал за это шоколадки, она же писала свой труд. Мы были вполне довольны друг другом. Но вчера за ужином…

— Ну, и последнее задание, — бодро объявила Алёна, — любовь!

Я отложил котлету и уставился на сестру:

— Что ты имеешь в виду?

— Э-э-э, — замямлила Алёнка, — ну, это что-то вроде «Паша плюс Даша», понимаешь?

Я понимал. И поэтому завопил что есть силы:

— Ни за что!!!

Алёна шмыгнула носом и, конечно, сразу же перетянула родителей на свою сторону.

— Сестре надо помочь! — строго сказал папа-математик, — всего-то — решить простейшее уравнение «Даша плюс Паша» с… Даши в классе есть? — деловито поинтересовался он.

— Целых три, — буркнул я.

— Ну вот — решить уравнение с тремя неиз-

вестными, — подвёл итог па-па. — Элементарно!

— Тебе просто надо влюбиться, — подсказала мама и посоветовала: — Присмотрись к Дашам.

— Ну, что тебе стоит, — жалобно посмотрела на меня Алёнка.

И я сдался.

— Бесплатный сыр только в мышеловках, — хмыкнул на это Славка, — так моя бабушка говорит.

— Шоколадки со мной не бабушка ела, а ты, — напомнил я, — так что давай, помогай приглядываться!

Славка вздохнул и указал на стоящую у окна Дашку Клюеву:

— Начинай!

— Эй, Рощин, чего уставился? — тут же ехидно хихикнула «первая неизвестная», — влюбился, что ли?

— Я — Чащин! — рявкнул я и сунул ей под нос кулак. Исключительно для лучшего запоминания моей фамилии. Но Клюева всё равно заверещала так, как будто я её этим кулаком треснул.

— Совсем хулиганьё распустилось! — возмутилась проходившая мимо уборщица баба Маша и шлёпнула меня грязной мокрой тряпкой.

— Тобой что, пол мыли?! — пятью минутами

позже строго отчитывала меня за внешний вид Елена Михайловна, записывая в дневник замечание.

— Клюева всё равно не вариант, — утешил меня Славка, — она ж ничего в любви не понимает! Ты лучше в Новикову влюбись — они с Терёхиным с понедельника друг за дружкой ходят.

— А Антоха не будет против? — усомнился я.

— Ну, ты ж не насовсем! — успокоил Славка.

Я оценил довод и на физкультуре признался Новиковой в своих чувствах.

— Любовь окрыляет! — сказала вчера Алёна.

И ведь не обманула — крылья у меня точно отросли, сразу же, как только Терёхин мне оплеуху отвесил! Потому что я мгновенно оказался возле самого дальнего от меня сугроба! И воткнулся в него носом. Класс захохотал. И громче всех «вторая неизвестная».

— Тили-тили-тесто! — заорал я. — У кого жених Антон, та похожа на батон! — и я запустил снежком Дашке в лоб.

— Скорее уж на единорога, — сердито буркнул на это физрук и влепил мне неуд по поведению.

Я приуныл.

— Ерунда! — подбодрил меня Славик. — Осталась одна Шишкина.

— А как будто две! — опасливо покосился я на похожую на борца сумо «третью неизвестную». — Она ж, если что, меня одной левой… Не буду я к ней приглядываться!

— Надо! — вздохнул Славка. — Для чистоты эксперимента!

Но я всё-таки побоялся подходить к Шишкиной. Вместо этого я взял и написал на доске: «Паша плюс Даша».

— Ой! — взвизгнула тут же Клюева, — Я ж говорю — влюбился!

Я ничего не стал ей отвечать, а просто дописал:

— Паша ЧЯщин плюс Даша ШЫшкина равно …

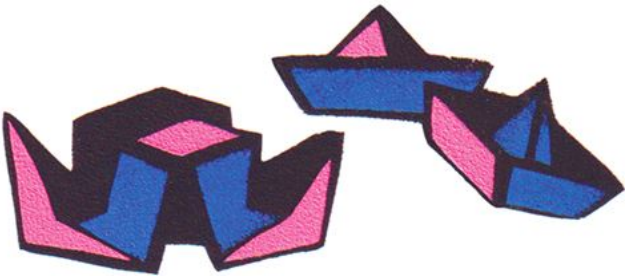
— Равно двойке по русскому языку! — сурово сказала учительница, забирая мой многострадальный дневник.

Так что теперь я точно знаю, чему равно «Паша

плюс Даша»! Одному замечанию, одному неуду по поведению и одной двойке по русскому!

А труд свой Алёнка так и не дописала — увлеклась кикбоксингом. Стараюсь не попадаться ей на глаза — вдруг попросит помочь!

Светлана Сорока



Морской бой

Часто терпит пораженье
Самый храбрый адмирал,
Если место для сраженья
Неудачно он избрал!

Борис Заходер

Золотую осень сменили дожди. Назойливые, затяжные, они сыпали из низких серых туч, не пуская на улицу.

Как-то в один из таких дней в гости к Женьке пришёл Илья. Друзья скучали.

Они полистали энциклопедию — неинтересно.

Посмотрели телевизор — надоело.

А когда взяли в руки телефоны, на пороге вдруг возникла мама и гаджеты запретила.

Хорошо, что следом папа появился.

— Скучаете? — улыбнулся он. — А хотите, покажу вам одну игру? Интересно, и никаких телефонов!

Ребята недоверчиво переглянулись. Но папа уже доставал карандаш и листок.

— Морской бой называется! Слышали?

Женька слышал. И Илья слышал. Но как играть

в неё — не представляли. А папа уже рисовал квадраты.

— Морской бой под силу только внимательным и умным адмиралам, — сказал он как бы между прочим.

Друзья вновь переглянулись. И стали слушать, как папа объясняет правила игры. Прослыть невнимательными, а уж тем более неумными — не хотелось.

Вскоре друзья уже сидели на противоположных концах кровати с листочками и карандашами в руках. Женька был живчиком и торопыгой. Он быстро почти в один ряд расставил все свои корабли и торжественно объявил:

— Я готов!

Илья оказался стратегом: думал, прикидывал, грыз карандаш. Наконец и его поле было заполнено.

— А6! — Первым выстрелил Женька. Но промахнулся.

— Б3! — пальнул Илья. И попал. — Б4! — продолжил он наступление.

Женька взволнованно заёрзал на кровати. Вскоре его четырёхпалубный корабль пошёл ко дну. А следом за ним — трёхпалубники. Илье быстро удалось просчитать расположение вражеских судов. Он выиграл. Но Женька не собирался сдаваться. Теперь, расставляя корабли, он не торопился, а думал.

Бой выдался жарким. Карандаши скрипели, снаряды летали, корабли тонули. Илья действовал смело и решительно. Но Женька вырвал у него победу, первым потопив последний однопалубник.

— Ура! — ликовал он. — Победа!

— Ничья! — напомнил ему Илья. — Впереди решающий бой!

— Я его выиграю!

— Посмотрим!..

Красные, взъерошенные, сгорающие от нетерпения, мальчишки принялись вновь расчерчивать поле боя. Но у Ильи вдруг зазвонил телефон.

— Мама сказала уроки делать, — расстроенно протянул он.

— Какие уроки?! — возмутился Женька. — Игра

ведь интересная! И главное, не телефон!

Илья согласно кивнул. Но и с мамой спорить тоже не хотел. Поэтому засобирался домой.

— Давай завтра доиграем, — предложил ему Женька.

— Давай, — согласился приятель и ушёл.

Весь вечер новая игра не отпускала Женькино воображение. Его тянуло снова сразиться. Показать Илье, кто здесь лучший адмирал! Он с нетерпением ждал завтра.

И оно наступило.

— Ну что, сыграем перед уроком? — спросил у приятеля Женька.

— А мы успеем? — засомневался Илья.

Переглянувшись, мальчишки прибавили шаг. И вскоре уже были на месте. Вырвав лист из тетради, Женька принялся живо рисовать квадраты. Илья не собирался отставать.

— Что это вы делаете? — подлетела к ним староста Юлька Галкина. — В морской бой играете? Ничего себе! А можете правила объяснить?

— Отстань, Галкина, некогда! — отмахнулся от неё Женька. — И вообще это игра для отважных адмиралов!

— Подумаешь, адмиралы, — Юлька надула губы и отошла.

Но мальчишкам было не до неё. Илья потопил вражеский трёхпалубный. А Женька рассекретил четырёхпалубник. Сражение набирало обороты. Адмиралы входили в раж. Но неожиданно про-

звенел звонок.

— Может, на истории продолжим? — предложил Женька.

— А если поймают? — засомневался Илья.

— Кто? Владимир Кириллыч? Он неопасный, — Женька беспечно махнул рукой. — И игра хорошая! Не телефон же!

Илья пожал плечами и кивнул.

— Ладно.

Учитель истории Владимир Кириллович был молодой, добрый и очень увлечённый. Он редко заботился о дисциплине, предпочитая живо и захватывающе рассказывать. Учитель здорово передавал атмосферу событий, погружал в неё окружающих. Даже двоечники и хулиганы порою бросали свои дела и открывали рты… А ещё Владимир Кириллович любил знакомить ребят с разными выдающимися людьми. Говорил о них тепло, по-дружески, будто знал лично.

Женька тоже очень любил послушать учителя. Но сегодня тяга к сражению оказалась сильнее. Они с Ильёй сели за последнюю парту и отгородились от мира учебниками. Но реальность всё равно проникала за их неказистое укрепление. Кажется, Владимир Кириллович рассказывал про какого-то Ушакова. Женькино ухо периодически

ловило слова «военный», «адмирал», «морское сражение»…

У мальчишек было своё сражение!

Женька утопил уже три вражеских двухпалубных. И неистово рвался к победе. Но Илья тоже не отставал.

— Е1, А6, К5, — безжалостно бомбили они корабли друг друга.

Юлька недовольно оборачивалась на них. Цыкала, крутила у виска пальцем.

Но мальчишки не обращали на неё внимания. Напротив, чем стремительнее приближалась развязка, тем азартнее, громче, оживлённее становился их шёпот. Женьке оставалось подбить последний однопалубный…

— Г10, — воинственно зашипел он.

— «Курс на доску, адмиралы!» — услышал он вдруг вместо ответа громкий голос учителя.

Юлька захихикала. Остальные ребята тоже.

Испуганно переглянувшись, адмиралы поплелись к доске.

— Ну что ж, посмотрим, как вы усвоили урок, — иронично улыбаясь, сказал им Владимир Кириллович. — Где произошло главное сражение Фёдора Фёдоровича Ушакова? — полетел в друзей первый вопрос.

— А сколько их было?..

Молчание — и вновь попадание в цель.

Женька вдруг понял, что из этого боя победителями они не выйдут… И глянул на друга.

«В следующий раз будем только на переменах играть», — прочитал он на его расстроенном лице.

И, вздохнув, согласился.

